СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ
ЭТА
ДЕВУШКА
Правда способна сделать тебя свободным, но способна ли она подарить тебе счастье в любви?
КОЛИН ГУВЕР

Колин Гувер

Эта девушка

Серия «Ключи от твоего сердца», книга 3

Серия «Сто оттенков любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9466608
Колин Гувер. Эта девушка : Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-09889-3
Оригинал: ColleenHoover, “THIS GIRL”
Перевод:
Наталия Пресс

Аннотация

Правда способна сделать тебя свободным, но способна ли она подарить тебе счастье в любви?

Лейкен и Уилл поженились. Наконец они чувствуют себя в безопасности, а потому их медовый месяц не омрачают грустные мысли. Но чем больше Лейкен дорожит своим браком, тем больше она хочет узнать о муже, несмотря на то что Уилл предпочел оставить свои болезненные воспоминания в прошлом. Однако, не в силах противостоять уговорам жены, он начинает со всей откровенностью рассказывать о себе. Так Лейкен узнает о самых сокровенных мыслях и чувствах мужа, о самых хороших и плохих его поступках…

И теперь будущее супругов зависит от того, смогут ли они разобраться с прошлым…

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1 5
Медовый месяц 5
Расставание 8
Глава 2 11
Медовый месяц 11
Первая встреча 12
Глава 3 19
Медовый месяц 19
Влюбленность 20
Глава 4 26
Медовый месяц 26
Первое свидание 27
Глава 5 34
Медовый месяц 34
Очертя голову 35
Глава 6 43
Медовый месяц 43
О черт! 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Колин Гувер
Эта девушка

Посвящается моей матери

Copyright © 2013 by Colleen Hoover
© Н. Пресс, перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Медовый месяц

Все стихи, книги, песни и фильмы о любви, которые я когда-либо читал, слышал или видел, все самые захватывающие моменты, которые, как мне казалось, отражают саму суть любви, меркнут по сравнению с этим моментом.

Этот момент не сравнится ни с чем!

Она лежит на боку, повернувшись ко мне и подложив локоть под голову, а другой рукой гладит меня по плечу. Волосы разметались по подушке, плечам и шее. Рисует круги на моей руке, внимательно следя глазами за собственными пальцами. Мы знакомы уже почти два года, но я ни разу не видел ее такой довольной. Теперь ей не надо в одиночку нести на себе груз испытаний, что выпали на ее долю за эти года, и это заметно. Кажется, словно вчера, сказав «да», мы избавились от всех наших личных тягот и тревог, наше прошлое слилось в единое целое, стало как будто легче и перестало быть такой тяжелой ношей. Теперь я смогу взять эту ношу на себя. Смогу противостоять любым трудностям, которые выпадут на ее долю. А ведь я мечтал об этом с той самой секунды, когда впервые увидел эту девушку!

Она смотрит на меня, улыбается, а потом со смехом зарывается лицом в подушку.

– И что тут смешного? – спрашиваю я, целуя ее в шею.

– Мы смешные, – со смехом отзывается она, поднимая голову с подушки, и я вижу, что щеки ее раскраснелись. – Прошло всего двадцать четыре часа, а я уже со счету сбилась!

– С меня хватит, Лейк! – смеюсь я и целую ее в зардевшуюся щеку. – Я уже на всю жизнь насчитался!

Я обнимаю ее за талию и сажаю на себя верхом. Она наклоняется, чтобы поцеловать меня, но волосы мешают. Протянув руку, я нащупываю на тумбочке резинку для волос, собираю их на затылке и стягиваю.

– Так-то лучше, – довольно шепчу я, прижимая ее к себе.

Ей непременно хотелось, чтобы у нас в номере были халаты, но мы ими так и не воспользовались. Та самая жуткая рубашка валяется на полу на том самом месте, куда я бросил ее вчера вечером. Не стану скрывать – это были лучшие двадцать четыре часа в моей жизни.

Она целует меня в щеку, а потом подбирается губами к уху и шепчет:

– Проголодался?

– Смотря что ты имеешь в виду…

– У нас еще целых двадцать четыре часа, – с улыбкой отстраняется Лейк. – Если хочешь не отставать от меня, придется пополнить запасы энергии. Да и ланч мы как-то незаметно пропустили, – добавляет она, перекатывается на бок и берет с тумбочки меню обслуживания номеров.

– Только не бургеры, – предупреждаю я.

– Ты мне до скончания веков будешь их вспоминать, да? – смеется она, закатывая глаза. – Как насчет говядины «Веллингтон»? – пробежав глазами по меню, показывает она мне нужную строчку. – Всегда хотела попробовать!

– Звучит неплохо, – соглашаюсь я, тихонько придвигаясь к ней поближе.

Лейк снимает трубку и звонит на ресепшен. Пока она разговаривает, я покрываю ее спину поцелуями, а она давится смехом, но пытается как ни в чем не бывало разговаривать с администратором ровным голосом, а потом кладет трубку и, скользнув под меня, накрывает нас обоих одеялом.

– У тебя двадцать минут, – шепчет она. – Справишься?

– Да мне и десяти хватит!

* * *

Говядина «Веллингтон» удалась на славу – вот только мы наелись до отвала, да еще и устали так, что пальцем не можем пошевелить. Впервые с того момента, как мы переступили порог номера, мы включили телевизор, поэтому, думаю, нас ожидает как минимум двухчасовая передышка.

Ее бедра лежат на моих, голова покоится у меня на груди. Одной рукой я глажу ее волосы, другой нежно ласкаю запястье. Когда мы лежим в такой позе, даже самые банальные вещи вроде просмотра телепередач вызывают эйфорию.

– Уилл? – Лейк приподнимается, опираясь на локоть. – Можно задать тебе вопрос? – Она проводит рукой по моей груди, и ладонь замирает прямо у сердца.

– Каждый день я пробегаю кругов двенадцать по университетскому стадиону и качаю пресс: два подхода по сто раз! – скороговоркой произношу я и в ответ на удивленно поднятую бровь Лейк с улыбкой показываю на свой живот. – А ты разве не про мой стальной пресс хотела спросить?!

– Нет, представь себе, не про твои кубики! – смеется она, игриво пихая меня локтем в бок, и добавляет, целуя в живот: – Хотя они, конечно, впечатляют!

– Спрашивай все, что хочешь, детка! – подбадриваю я и, глядя ей прямо в глаза, глажу по щеке.

– Скажи, а у тебя… – Она вздыхает, снова откидывается на подушку, смотрит в потолок и тихо спрашивает: – У тебя когда-нибудь бывает чувство вины? За то, что мы так счастливы?

– Послушай, Лейк. – Я наклоняюсь к ней и кладу руку ей на живот. – Забудь о чувстве вины! Именно этого они хотят…

– Да-да, – натянуто улыбается Лейк. – Просто… Ну, не знаю… Если бы можно было изменить прошлое и это бы вернуло их, то я бы ни секунды не сомневалась. Но тогда я не встретила бы тебя… Просто иногда я чувствую себя виноватой, потому что я…

– Ш-ш-ш! – успокаиваю ее я, прижимая палец к ее губам. – Не надо так думать, Лейк. Не надо думать, а что было бы, если бы… Ну и так далее… – Я целую ее в лоб. – Но если тебя это утешит, я понимаю, о чем ты говоришь. Пойми, такие мысли совершенно бесполезны. Все есть как есть.

Лейк берет меня за руку, наши пальцы сплетаются, и она целует меня в тыльную сторону ладони:

– Ты очень понравился бы моему папе…

– А ты понравилась бы моей маме.

– Еще один момент насчет нашего прошлого, и, обещаю, это все. – На этот раз губы ее кривятся в чуть злорадной усмешке. – Господи, как же я рада, что эта стерва Воэн тебя бросила!

– Кто бы сомневался! – смеюсь я.

Лейк улыбается, отнимает свои пальцы и поворачивается ко мне лицом. Я беру ее за руку и целую прямо в ладошку.

– А ты не жалеешь, что не женился на ней?

– Лейк, да ты что? – Я со смехом закатываю глаза. – Ты и правда хочешь поговорить об этом именно сейчас?

– Да мне просто интересно! – делано смущается она. – Мы же никогда не обсуждали наше прошлое, а теперь я знаю, что ты никуда не денешься, вот и завела этот разговор! К тому же я еще много чего о тебе не знаю! Например, каково тебе было, когда она тебя бросила, да еще так жестко!

– Странные ты вопросы задаешь для медового месяца!

– Просто мне хочется знать о тебе все, – пожимает плечами Лейк. – Теперь, когда твое будущее принадлежит мне, я хочу узнать твое прошлое! А еще… – Она хитро усмехается. – Нам все равно надо как-то убить пару часов, пока ты восстанавливаешь силы. Надо же чем-то заняться.

Я слишком устал, чтобы двигаться. Хоть я и притворяюсь, что не считаю, но на самом деле девять раз за сутки, по-моему, тянет на рекорд! Перевернувшись на живот и обняв подушку, я начинаю свой рассказ.

Расставание

– Спокойной ночи, Колдер! – говорю я, выключаю свет и надеюсь, что на этот раз он не вылезет из кровати.

Мы уже третью ночь проводим здесь вдвоем. Вчера он боялся спать один, поэтому я разрешил ему остаться со мной. Надеюсь, это не войдет в привычку, но на самом деле я его прекрасно понимаю.

Я до сих пор не могу до конца осознать все, что произошло за последние две недели, и тем более тот факт, что я все-таки принял это решение. Надеюсь, я поступаю правильно. Уверен, родители хотят, чтобы мы были вместе, но вряд ли их радует, что я ради этого отказался от стипендии.

«Странно, почему я до сих пор говорю о них в настоящем времени?»

Да, грядут большие перемены… С трудом дойдя до спальни, я падаю на кровать. Я слишком устал, нет сил даже протянуть руку и выключить ночник. Стоит мне закрыть глаза, как раздается тихий стук в дверь.

– Колдер, все будет хорошо. Ложись спать, – говорю я, но все-таки неимоверным усилием вылезаю из кровати, чтобы отвести брата в его комнату.

Он прекрасно спал один целых семь лет – я знаю, что он сможет сделать это снова.

– Уилл? – раздается женский голос, и в комнату входит Воэн.

Я и понятия не имел, что она собиралась сегодня зайти, но рад ее видеть! Удивительно, но она чувствует, когда я особенно в ней нуждаюсь. Я закрываю дверь спальни и обнимаю Воэн:

– Привет! Ты что тут делаешь? Я думал, ты уже уехала в кампус.

Она улыбается, но как-то печально и жалостливо, берет меня за плечи и слегка отталкивает. Потом садится на краешек кровати и, стараясь не смотреть мне в глаза, произносит:

– Нам надо поговорить.

От выражения ее лица у меня по спине бегут мурашки. Никогда не видел ее такой смущенной. Я сажусь рядом и целую ее в ладошку:

– Что случилось? У тебя все в порядке?

Я заправляю выбившуюся прядку волос ей за ухо, и тут по ее щекам начинают течь слезы. Обняв ее, я крепко прижимаю к себе и шепчу:

– Воэн, что произошло? Рассказывай!

Она молчит. Слезы струятся по ее щекам, и я даю ей время поплакать, ведь иногда девушкам это нужно. Наконец она успокаивается, выпрямляется и, по-прежнему не глядя в глаза, берет меня за руки:

– Уилл…

Что-то в тоне ее голоса, в том, как она произносит мое имя, заставляет меня насторожиться. Сердце замирает в тревоге. Воэн на миг встречается со мной взглядом, но тут же снова отворачивается.

– Воэн?.. – неуверенно окликаю ее я, надеясь, что моя догадка окажется неверной, потом осторожно беру ее за подбородок и разворачиваю лицом к себе. – Воэн, что происходит? – В голосе моем явственно слышится страх.

Она, кажется, испытывает облегчение, как будто радуясь, что я понял ее намерение, а потом слегка встряхивает головой:

– Прости меня, Уилл… Я так больше не могу. Прости, пожалуйста…

На меня словно обрушивается тонна кирпича. Так? Как «так»? С каких это пор наша любовь превратилась для нее в «так»?! Я молчу. Да и что тут скажешь?

– Прости, мне правда очень жаль, – снова шепчет она, поняв, что я просто в шоке, и ласково сжимает мою руку.

Высвободившись, я встаю и отворачиваюсь. Нервно приглаживаю волосы и делаю глубокий вдох. Внутри бушует ярость, слезы подступают к глазам, но я не намерен показывать ей, что плачу.

– Уилл, просто я всего этого не ожидала… Я слишком молода, чтобы быть мамой… Я не готова к такой ответственности.

Значит, я не ошибся! Она действительно меня бросает! Две недели назад погибли мои родители, а теперь она собирается снова разбить мне сердце! Да как она может?! Наверное, она не в себе. Просто в шоке от случившегося, вот и все! Я поворачиваюсь к ней, уже не заботясь о том, что она заметит, в каком я состоянии.

– Я и не жду, что ты возьмешь на себя какую-то ответственность. Все в порядке, просто ты испугалась. – Я сажусь на кровать и обнимаю ее. – Воэн, я не прошу тебя стать ему мамой, я тебя сейчас вообще ни о чем не прошу. – Я еще крепче обнимаю ее и целую в лоб, и она тут же начинает плакать. – Не надо, – шепчу я, – не надо так поступать со мной… Только не сейчас…

– Если я не сделаю это сейчас, то не сделаю никогда. – Воэн отворачивается, встает и пытается уйти, но я хватаю ее за руку, обнимаю за талию, прижимаюсь головой к ее животу.

– Воэн, прошу тебя…

– Уилл… – Она гладит меня по голове и шее, наклоняется, целует в макушку и шепчет: – Уилл, я чувствую себя просто ужасно… Ужасно! Но я не готова к такой жизни и не могу согласиться на нее просто потому, что мне тебя жаль…

Прижавшись лбом к ее рубашке, я закрываю глаза и пытаюсь осознать услышанное.

Жаль? Ей меня жаль?

Я разжимаю объятия и отстраняю ее от себя. Она опускает руки и делает шаг назад. Я встаю, подхожу к двери и распахиваю ее настежь, показывая, что Воэн пора уходить.

– Последнее, что мне нужно, – это твоя жалость! – говорю я, глядя ей в глаза.

– Уилл, не надо! – умоляющим тоном произносит она. – Пожалуйста, не сердись на меня!

Воэн смотрит на меня полными слез глазами. Когда она плачет, они становятся темно-голубыми. Я всегда ей говорил, что у нее глаза цвета океана, и сейчас, глядя в них, я понимаю, что океан не вызывает у меня никаких чувств, кроме презрения.

Я отворачиваюсь от нее, хватаюсь за дверь и прижимаюсь лбом к деревянной поверхности. Закрываю глаза и пытаюсь взять себя в руки. Кажется, будто все то давление, стресс, эмоции, которые накопились за последние две недели, вот-вот взорвут меня изнутри.

Она мягко касается ладонью моего плеча, пытаясь утешить, но я резким движением сбрасываю ее руку.

– Две недели, Воэн! – обернувшись, кричу я, но тут же понимаю, что ору слишком громко, и, сбавляя тон, подхожу к ней поближе. – Они умерли всего две недели назад! Да как ты вообще можешь думать о себе в такой момент?!

Воэн проходит мимо меня в гостиную. Я плетусь следом, наблюдая, как она берет с дивана сумочку, направляется к выходу и открывает дверь.

– Однажды, Уилл, ты поблагодаришь меня за это, – уже с порога говорит она. – Знаю, сейчас тебе трудно в это поверить, но когда-нибудь ты поймешь, что так лучше для нас обоих.

– Так лучше для тебя, Воэн! – кричу я ей вслед. – Ты думаешь только о себе!

Воэн исчезает за дверью, и тут нервы мои окончательно сдают. Я бросаюсь к себе в комнату и, захлопнув за собой дверь, неистово колочу по ней кулаками, а когда руки немеют,

крепко зажмуриваюсь и прижимаюсь к ней лбом. Слишком много всего случилось за какие-то две недели, и я не представляю, как со всем этим справиться.

Черт побери, что сталось с моей жизнью?!

В конце концов я забираюсь на кровать, упираюсь локтями в колени и кладу голову на руки. Из застекленной рамки на тумбочке на меня с улыбкой смотрят мама и папа. Они видят, как кульминация всего, что произошло за последние две недели, медленно убивает меня.

Почему они не подготовились к подобной ситуации? Почему отважились возложить на меня такую ответственность? Из-за их неосмотрительности я потерял стипендию, любимую девушку и, вполне возможно, свое будущее! Схватив фотографию, я со всей силы нажимаю большими пальцами на их лица. Стекло трескается. Ну вот, теперь фото разбито – совсем как моя жизнь! Я с размаху швыряю рамку в стену. Рамка раскалывается пополам, на ковер падают осколки стекла.

Я протягиваю руку, чтобы погасить свет, но тут дверь спальни приоткрывается.

– Воэн, уйди. Пожалуйста, уйди… – прошу я.

Но в дверях стоит Колдер.

Он заливается слезами и дрожит от ужаса. После смерти родителей подобное случалось с ним уже много раз. Такой же ужас был в его глазах, когда я обнял его на прощание, уходя из больницы, и когда заставил его уехать к бабушке с дедушкой. Этот взгляд каждый раз разрывает мне сердце.

Этот взгляд тут же заставляет меня спуститься на землю.

Я вытираю глаза и жестом подзываю его к себе. Колдер подходит, я обнимаю его, сажаю к себе на колени, и он тихо плачет, уткнувшись мне в плечо. Я укачиваю его, глажу по голове, а потом целую в лоб и обнимаю еще крепче.

– Хочешь сегодня снова спать со мной, малыш?

Глава 2

Медовый месяц

– Ничего себе, – недоверчиво качает головой Лейк. – Вот ведь эгоистичная стерва!

– Да уж… Ну и слава богу! – Я сцепляю руки за головой и смотрю в потолок, копируя позу Лейк. – Удивительно, что история практически повторилась.

– В смысле?!

– А ты сама подумай. Воэн бросила меня, потому что не хотела оставаться со мной из жалости. Ты меня бросила, потому что решила, что я хочу быть с тобой из жалости.

– Я тебя не бросала, – сердито мотает головой Лейк.

– Да ладно, не бросала! – Я со смехом сажусь на кровати. – Вспомни: «Мне не важно, сколько времени это займет: дни, недели или месяцы». Это называется «бросить»!

– А вот и нет! Я просто давала тебе время подумать!

– А мне не нужно было думать! – Я откидываюсь на подушки. – Мне правда казалось, что ты решила меня бросить!

– Что ж… – Лейк смотрит мне в глаза. – Иногда людям необходимо разойтись, чтобы понять, как сильно они любят друг друга.

– Знаешь что, – шепчу я, взяв ее за руку и поглаживая большим пальцем по ладони, – давай больше не будем расходиться!

– Никогда, – не отводя взгляда, кивает она.

Лейк молча смотрит на меня и в эти мгновения кажется удивительно хрупкой и ранимой. Она внимательно вглядывается в мое лицо, а потом ее губы изгибаются в усмешке. Она ничего не говорит, но слова сейчас не нужны. В такие моменты, когда нам никто и ничто не мешает, я твердо уверен, что Лейк по-настоящему любит меня. Сильно-сильно.

– А что ты подумал, когда впервые меня увидел? – спрашивает она. – Что во мне было такого, что ты сразу пригласил меня на свидание? Выкладывай все, даже плохие мысли!

– Плохих не было, – смеюсь я. – Ну, разве что неприличные. Но не плохие.

– Неприличные тоже выкладывай! – ухмыляется она.

Первая встреча

Прижимая трубку к уху плечом, я застегиваю последние пуговицы на рубашке и продолжаю разговор:

– Бабуль, я обещаю! Выезжаю сразу после работы в пятницу. Мы будем к пяти, а сейчас нам пора, уже опаздываем. Надо ехать. Завтра созвонимся!

Мы прощаемся, и я кладу трубку. В гостиную входит Колдер с рюкзаком на плече и зеленой пластмассовой армейской каской на голове. Вечно он пытается какие-нибудь странные штуки притащить с собой в школу! На прошлой неделе я довез его до школы и, только когда он вышел из машины, заметил, что у него на поясе кобура.

Я снимаю с него каску и кидаю на диван:

– Колдер, иди в машину! Мне еще нужно собрать вещи.

Он выходит на улицу, а я в панике пытаюсь собрать бумаги, разбросанные по барной стойке в кухне. Пришлось полночи проверять работы. Я преподаю всего два месяца, но уже начинаю понимать, почему в школах вечно не хватает учителей. Запихнув бумаги в папку, кладу ее в сумку и выхожу во двор.

– Отлично! – бормочу я сквозь зубы, заметив грузовой фургон, сдающий задом по нашей улице.

Всего за год в этом доме уже в третий раз меняются жильцы. У меня совершенно нет настроения снова помогать кому-то с переездом, особенно если учесть, что я спал всего четыре часа. Надеюсь, что к моему возвращению они уже все разгрузят, а то ведь помогать придется. Отвернувшись, я запираю дверь и быстрым шагом иду к машине и вдруг обнаруживаю, что Колдера там нет.

Застонав, я кидаю сумку на сиденье. Вечно он выбирает самый неподходящий момент, чтобы поиграть в прятки! Мы и так уже на десять минут опаздываем!

Оглядываюсь назад в надежде, что он прячется за спинкой кресла, как в прошлый раз, но тут замечаю его на улице. Он весело смеется, играя с каким-то мальчиком примерно его возраста. А вот это уже хорошо! Может, если у нас появится сосед и друг по играм, я смогу вздохнуть свободнее…

Я уже собираюсь окликнуть Колдера, но мой взгляд снова падает на фургон. За рулем сидит девушка – на вид не старше меня, однако она уверенно въезжает задом во двор без какой-либо посторонней помощи. Опершись на дверь машины, я решаю посмотреть, как она будет пытаться объехать садовых гномов. Зрелище обещает быть занятным.

Но и тут я жестоко ошибаюсь: она в два счета припарковалась ровнехонько перед домом. Вместо того чтобы выпрыгнуть из машины и проверить, все ли в порядке, она глушит мотор, опускает окно и кладет ногу на торпеду.

По непонятной мне самому причине эти простые действия кажутся мне необычными. Более того, они буквально завораживают. Она барабанит пальцами по рулю, а потом снимает с хвоста резинку и распускает волосы. Кудри рассыпаются по плечам, она долго массирует голову и трясет ею.

Черт возьми!

Ее взгляд падает на играющих на улице мальчишек, а я начинаю умирать от любопытства. Кто она? Его сестра? Мама? Нет, у нее не может быть такого взрослого ребенка. Впрочем, с другой стороны улицы нелегко разглядеть все в деталях. Интересно, почему она не выходит из машины?

Уже несколько минут я не свожу с нее взгляда, и тут рядом с фургоном останавливается какой-то джип.

«Боже, пусть это будет не парень», – шепчу я себе под нос, надеясь, что это не ее бойфренд подъехал. Или муж, не дай бог.

Хотя мне-то какое дело? Мне сейчас уж точно не до развлечений. Тем более с соседями, живущими напротив.

К собственному удивлению, я шумно вздыхаю от облегчения, когда вижу, что из джипа выходит женщина. Судя по внешнему виду, это, наверное, мать семейства. Женщина закрывает машину и подходит поздороваться к хозяину дома, который стоит у крыльца. Сам не понимаю, как выходит, что я иду в их сторону. Поразительно, но меня вдруг охватило непреодолимое желание помочь людям. Я перехожу улицу, не в силах отвести глаза от девушки, сидящей за рулем фургона. Не обращая на меня внимания, она наблюдает за игрой мальчишек. Не знаю, что меня так в ней привлекает. Быть может, выражение ее лица… Оно такое печальное… И почему-то мне это не нравится.

Она не замечает, что я стою у пассажирской двери фургона и смотрю на нее словно загипнотизированный. Не потому, что она симпатичная, хотя это, конечно, тоже имеет значение. Меня манит ее взгляд. Его глубина. Я хочу знать, о чем она думает.

Нет, не просто хочу… Я обязательно должен узнать, о чем она думает!

Она отворачивается от окна, что-то говорит мальчикам и открывает дверь, чтобы выйти из машины. Внезапно я понимаю, что сейчас она решит, что я полный идиот: стою перед ее домом и пялюсь на нее! Бросив взгляд на наш дом через дорогу, я начинаю обдумывать пути к отступлению, пока она меня не заметила. Однако не успеваю я сделать и шага, как Колдер и второй мальчик обегают фургон и со смехом врезаются прямо в меня.

– Она зомби! – визжит Колдер, а я хватаю мальчишек за воротники рубашек. Из-за фургона выходит моя незнакомка, и я не могу удержаться от хохота: она идет на негнущихся ногах, по-дурацки склонив голову к плечу, и пытается догнать мальчиков.

– Возьми их! – кричу я ей.

Мальчишки крутятся и брыкаются, пытаясь вырваться, поэтому приходится усилить хватку. Я снова смотрю на нее, и наши взгляды встречаются. Ничего себе! Вот это глаза! Просто невероятного зеленого цвета! Хочется с чем-нибудь сравнить, но ничего подходящего на ум не приходит: цвет просто уникальный, как будто создан специально только для ее глаз!

Я прихожу к выводу, что мальчик не может быть ее сыном. На вид она примерно моего возраста. Ну, может быть, лет девятнадцать-двадцать. Знать бы, как ее зовут, тогда я найду ее в «Фейсбуке» и узнаю, свободна ли она…

Господи!.. Последнее, что мне сейчас нужно, – это влюбиться по уши!

Такое ощущение, что она читает мои мысли, поэтому я заставляю себя отвести от нее взгляд. Воспользовавшись моментом, мальчик вырывается и воображаемым мечом разрубает меня пополам. Я оглядываюсь на девушку и одними губами шепчу: «Помогите!»

Она кричит: «Мне нужен ваш мозг!» – и бросается вперед, притворяясь, что кусает Колдера в макушку, а потом щекочет мальчиков. Ребята хохочут и в конце концов падают прямо на бетонное покрытие парковки. Девушка со смехом выпрямляется, переводит взгляд на меня и как будто вдруг смущается: щеки вспыхивают румянцем, губы недовольно кривятся. Однако смущение быстро проходит, и лицо озаряется улыбкой – улыбкой, которая будит во мне жгучее желание узнать о ней все, каждую мелочь.

– Привет, меня зовут Уилл, – протягиваю я руку. – Мы живем напротив.

Она вкладывает свою ладонь в мою. Стоит мне сжать ее нежные прохладные пальцы, как по телу пробегает электрическая волна. Не помню, когда в последний раз девушка производила на меня такое сильное впечатление… Наверное, это все недосып.

– А я Лейкен, – отвечает она, неловко улыбаясь. – Судя по всему, я живу… здесь, – добавляет она, обернувшись на дом.

Похоже, ее не очень-то радует тот факт, что она живет «здесь». На ее лице вновь возникает то выражение, которое я заметил, когда она сидела за рулем, только вот глаза становятся еще более печальными. Ну почему меня это так сильно задевает?!

– Что ж, добро пожаловать в Ипсиланти! – говорю я, отчаянно надеясь развеять ее печаль.

Девушка опускает взгляд. Тут я замечаю, что все еще робко сжимаю ее пальчики, поспешно прячу руки в карманы и спрашиваю:

– А вы откуда приехали?

– Из Техаса?

Почему она говорит с вопросительной интонацией? Я что, задал глупый вопрос? Ну да, задал. Пытаюсь болтать о том о сем, как идиот…

– А-а-а, из Техаса? – переспрашиваю я.

Она кивает и молчит, а я вдруг чувствую себя назойливым соседом.

Не зная, что еще сказать, чтобы ситуация не стала еще более неловкой, решаю, что сейчас самое время удалиться. Наклонившись к Колдеру, я поднимаю его за ноги, перекидываю через плечо и объясняю, что пора везти его в школу.

– Вечером ожидается холодный фронт, – сообщаю я на прощание. – Так что постарайтесь большую часть разгрузить сегодня. Холодно будет несколько дней, так что, если вам вдруг понадобится помощь вечером, не стесняйтесь. Мы вернемся домой около четырех.

– Да-да, спасибо, – пожимает она плечами в ответ.

Она говорит с едва заметным южным акцентом. Надо же, а я и не знал, что мне так нравятся южные диалекты! Перейдя через улицу, я сажаю Колдера в машину, а сам, пока он забирается на сиденье, украдкой оглядываюсь. Мальчик пронзает ее спину воображаемым кинжалом, она испускает притворный вопль и падает на колени. Мне нравится, как она с ним играет. Мальчик запрыгивает к ней на закорки, она поднимает голову и ловит мой взгляд. Я закрываю пассажирскую дверь, обхожу машину с другой стороны и, прежде чем сесть за руль, заставляю себя улыбнуться и помахать ей рукой, хотя на самом деле мне отчаянно хочется двинуть себе в челюсть.

* * *

Звонит звонок на третий урок. Я снимаю крышку со стаканчика с кофе и высыпаю туда два дополнительных пакетика сахара – мне это не помешает. Некоторые ученики в этом классе меня беспокоят. Особенно Хавьер. Этот парень настоящий засранец.

– Доброе утро, мистер Купер! – здоровается со мной Эдди, прежде чем сесть за парту.

Бодра, как всегда. Я тут вдруг подумал, что ни разу не видел Эдди в плохом настроении. Надо узнать, в чем ее секрет, а то кофе мне сегодня явно не помогает…

– Доброе утро, Эдди, – отвечаю я, глядя, как она оборачивается, целует Гевина в щеку и садится на свое место.

Они начали встречаться, как раз когда я закончил школу. Вполне возможно, что из всего класса только эти двое не выводят меня из себя. Ну, может быть, еще Ник. Он вроде нормальный парень.

Ученики рассаживаются по местам, я прошу их достать учебники, но, рассказывая о художественных особенностях поэзии, все время думаю о нашей новой соседке.

Лейкен…

Красивое имя.

* * *

Спустя шесть часов и пару десятков мыслей о новой соседке мы с Колдером наконец-то возвращаемся домой. Я выхожу из машины и открываю багажник, чтобы достать коробку с бумагами. Обернувшись, замечаю, что из ниоткуда возник младший брат Лейкен: он молча стоит прямо передо мной и пристально меня разглядывает. Как будто ждет, что я представлюсь. Несколько минут он смотрит на меня, не моргая и не произнося ни слова. Завис, что ли? Перехватив коробку в левую руку, я протягиваю ему правую:

– Меня зовут Уилл.

– Кел зовут меня, – отзывается мальчик.

Я смотрю на него в недоумении. На каком языке он говорит?

– Я умею говорить задом наперед, – объясняет он. – Вот, например: наперед задом говорить умею я!

Интересное дело… Неужели нашелся еще более странный ребенок, чем Колдер?! А я-то думал, такого не бывает.

– Кел… познакомиться… с тобой… приятно… – чуть медленнее, чем он, отвечаю я.

Кел улыбается, а потом убегает через дорогу вместе с Колдером. Я смотрю на дом напротив: фургон припаркован на улице, задние двери закрыты. Ну вот, опять не повезло… Они уже все разгрузили, а я-то надеялся им помочь… Черт!

Остаток вечера я работаю сверхурочно и бесплатно… Такая уж судьба у учителей. Потом принимаю душ и словно невзначай захожу в гостиную, чтобы в десятый раз выглянуть из окна… Но мне так и не удается ее увидеть.

– Чего ты все в окно смотришь? – раздается за спиной голос Колдера.

Я вздрагиваю от неожиданности и быстро задергиваю шторы – даже не заметил, что брат сидит на диване. Подхожу к нему, беру за руку и подталкиваю в сторону коридора:

– Ложись спать.

– А я знаю, почему ты смотрел в окно! – провозглашает он уже на пороге своей комнаты перед тем, как закрыть дверь. – Ту девчонку высматриваешь? Сестру Кела? Она тебе понравилась?

– Спокойной ночи, Колдер! – говорю я, не намереваясь отвечать на этот вопрос.

Он подмигивает мне и закрывает дверь. Перед тем как уйти к себе, я в последний раз подхожу к окну. Отдергиваю шторы и вижу, что у окна в доме напротив тоже кто-то стоит, но занавески тут же задергиваются, и мне не удается сдержать улыбку. Интересно, может быть, не только мне не дает покоя сегодняшняя встреча?

* * *

– Холодно, холодно, холодно, холодно, холодно! – приговаривает Колдер, прыгая с ноги на ногу, пока я открываю машину.

Завожу мотор, а потом иду в дом за вещами. Колдер ждет в машине. На обратном пути я застываю как вкопанный: на пороге дома напротив стоит Лейкен. Она наклоняется, берет пригоршню снега, разглядывает, но тут же бросает, выпрямляется и выходит во двор, прикрывая за собой дверь. Я качаю головой, предвкушая, что сейчас произойдет: на улице идет снег, а она в домашних брюках и рубашке – даже куртку не надела. Не знаю, куда она собралась, но долго на улице в таком виде не протянет. Здесь вам не Техас! Лейкен идет по двору, и тут мой взгляд падает на ее ноги.

Она что, в тапочках? Да ладно! Не успеваю я крикнуть ей, что надо смотреть под ноги, как она уже падает на спину.

Ох уж эти южане… Впрочем, что с них взять?!

Сначала она не двигается – просто лежит на спине и смотрит вверх. На секунду я впадаю в панику, испугавшись, что она сильно ударилась, но тут она шевелится и пытается встать. Мне, конечно, не хочется выглядеть навязчивым придурком, но я быстро перехожу улицу, чтобы спросить, не нужна ли ей помощь.

Она вытаскивает из-под себя одного из гномов с таким выражением лица, что я не могу не рассмеяться! Она смотрит на него так, как будто бедный малыш виноват в том, что она грохнулась! Лейкен уже собирается отшвырнуть его подальше, но я останавливаю ее.

– Плохая идея! – кричу я, подбегая к ней.

Она слегка наклоняет голову набок и пристально смотрит на меня, не выпуская гнома из рук.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, продолжая смеяться: у нее на лице написан такой прямо-таки праведный гнев, что сохранить серьезный вид просто невозможно.

– Буду в порядке, когда разобью эту чертову штуку! – покраснев, отводит глаза она.

– Не надо, – прошу я, забирая гнома у нее из рук и ставя беднягу на место, чтобы спасти его от полного уничтожения. – Гномы приносят удачу.

– Ага, удачу! Заметно, – ворчит она, потирая плечо.

– О господи! – восклицаю я, заметив кровь на ее рубашке, и тут же чувствую себя виноватым. – Прости! Я бы не стал смеяться, если бы видел, что ты сильно ударилась! – Я помогаю ей встать и пытаюсь оценить масштабы катастрофы. – Слушай, рану надо пластырем заклеить…

– Нереально, – качает головой она, оглядываясь на дом. – Какой пластырь… Там сейчас ничего не найдешь.

Я оглядываюсь на наш дом (у меня-то в аптечке полно всяких пластырей), однако предлагать помощь не тороплюсь: и так уже опаздываю на работу.

Глядя на наши окна, я отчаянно пытаюсь принять решение, но тут все мои органы чувств вдруг наполняются ощущениями. Легкий запах ванили, обволакивающий меня… звук ее голоса, ее акцент… ее близость пробуждают во мне нечто, что слишком долго находилось в забытьи. Черт побери! Я влип!

Работа подождет.

– Тогда придется зайти к нам. У нас в кухне есть пластыри, – решительно говорю я, снимаю куртку, накидываю ей на плечи и, поддерживая под локоть, перевожу через дорогу.

Я ничуть не сомневаюсь, что она и сама прекрасно дойдет, но отпускать ее почему-то мне не хочется. Мне нравится помогать ей. Нравится, как она ко мне прижимается. Это все как-то очень… правильно.

Мы заходим к нам, я веду ее в гостиную, а сам выхожу в кухню, достаю из шкафчика аптечку и нахожу пластырь. Оглядываюсь. Она смотрит на висящие на стене фотографии. Фотографии моих родителей.

«Пожалуйста, не спрашивай меня о них… Пожалуйста!»

Сейчас мне совершенно не хочется об этом говорить, поэтому я спешу отвлечь ее внимание от фото:

– Сначала надо промыть, потом уже пластырь клеить.

Я закатываю рукава, поворачиваюсь к раковине и смачиваю под краном салфетку. Ловлю себя на том, что стоило бы поторопиться, но делаю все неспешно. Мне просто хочется растянуть процедуру, чтобы подольше побыть с ней рядом. Я даже не заметил, в какой момент желание узнать ее поближе превратилось в необходимость. Когда я поворачиваюсь к ней, она быстро отводит глаза. Я не совсем понял, почему она так смутилась, но выглядит до ужаса мило.

– Все нормально, – говорит она, протягивая руку за салфеткой, – я сама.

Отдав ей салфетку, я беру в руки пластырь и на удивление долго вожусь с упаковкой. Все это время мы не произносим ни слова. Почему-то в ее присутствии этот дом кажется особенно пустым и тихим – аж мурашки по коже. Когда я один, тишина как-то незаметна, а вот сейчас, когда мы оба неловко молчим, тишина становится неприятно навязчивой. Надо срочно что-то сказать, чтобы заполнить пустоту, думаю я, и выдаю:

– И что же ты делала на улице в одной пижаме в семь утра? Вы что, еще не все вещи разгрузили?

Она отрицательно качает головой, бросает салфетку в мусорное ведро и коротко бросает:

– Кофе.

– Вот как? Значит, ты не жаворонок?

Я втайне надеялся, что именно в этом причина ее плохого настроения. Вот и славно, значит, это от недостатка кофеина, а не оттого, что я ей не интересен. Я подхожу к ней ближе, чтобы наклеить пластырь на ее плечо, и незаметно делаю глубокий вдох. Странно, но каждое прикосновение к ней вызывает во мне бурю эмоций. Наклеив пластырь, я аккуратно разглаживаю его, слегка надавливая на края кончиками пальцев. У нее по коже бегут мурашки, и она обхватывает себя за плечи, словно пытается согреться.

Мурашки, значит… Что ж, неплохо для начала!

– Ну вот, – говорю я, еще раз проглаживая пластырь, хотя это совершенно не требуется, – как новенькая!

– Спасибо, – откашлявшись, благодарит она и встает. – На самом деле я жаворонок, но только после чашки кофе.

Кофе! Ей нужен кофе! У меня есть кофе!

Быстро подхожу к стойке, где в кофеварке еще плещутся остатки теплого утреннего кофе, достаю из буфета чашку, наливаю и ставлю перед ней на стойку.

– Сливки-сахар?

– Нет, спасибо, – с улыбкой качает головой она.

Прислонившись к стойке, я наблюдаю, как она подносит чашку к губам, осторожно дует на кофе, а потом делает глоток, не сводя с меня взгляда.

Впервые в жизни я готов отдать все, лишь бы поменяться местами с этой чашкой!

Ну почему мне нужно идти на работу?! Да я мог бы целый день стоять и смотреть, как она пьет кофе! Она, наверное, не понимает, с чего вдруг я так на нее уставился. Выпрямившись, я бросаю быстрый взгляд на часы:

– Мне пора идти. Брат в машине ждет. Надо ехать на работу. Давай я тебя домой провожу, а кофе можешь прихватить с собой.

Она смотрит на чашку и читает надпись. Я даже не заметил, что дал ей чашку отца. Пробегает пальцами по буквам и улыбается:

– Да я и сама дойду. По-моему, я уже вполне способна сохранять вертикальное положение.

Она проходит через гостиную, открывает дверь, и тут я замечаю, что моя куртка висит на спинке дивана.

– Лейкен, подожди! – окликаю ее я. – Надень, там холодно!

Она пытается отказаться, но я упрямо качаю головой и настаиваю на своем. Ведь тогда ей придется вернуть мне куртку, а я на это как раз и рассчитываю. Она улыбается, накидывает куртку на плечи и выходит на улицу.

Уже дойдя до машины, я оборачиваюсь и смотрю ей вслед. Мне нравится, как она выглядит в моей куртке поверх пижамы. Кто бы мог подумать, что пижама и тапочки с Дартом Вейдером могут смотреться так сексуально?!

– Лейкен! – кричу я, и она оборачивается на пороге своего дома. – Да пребудет с тобой великая сила! – смеюсь я и запрыгиваю в машину, прежде чем она успевает что-то ответить.

– Ты чего так долго? Я з-з-з-замерз! – возмущается Колдер.

– Прости, дружок. Лейкен ударилась, – объясняю я и выезжаю из двора.

– А что случилось? – спрашивает он.

– Решила прогуляться по обледенелому бетону в тапочках с Дартом Вейдером. Упала и поранилась.

– У нее тапочки с Дартом Вейдером?! – восторженно хихикает Колдер.

– Прикинь! – подмигиваю ему я.

Глава 3

Медовый месяц

– Приятно слышать, – улыбается она, лежа рядом со мной на кровати. – Значит, я показалась тебе симпатичной, да?

– Вовсе нет. Ты показалась мне настоящей красавицей! – Я убираю волосы с ее лица, а она наклоняется и целует меня в ладонь. – А ты что обо мне подумала?

– Если честно, я пыталась о тебе вообще не думать, – улыбается она. – Меня к тебе тянуло, но все происходило так быстро… Мы только приехали в Мичиган, и тут – раз! – и появляешься ты! Нас вновь и вновь сводила судьба… Каждую минуту, проведенную рядом с тобой, я понимала, что втрескалась по самые уши…

– Втрескалась? – смеюсь я.

– Я и правда в тебя втрескалась, Уилл, – усмехается она. – Особенно после того, как ты налепил мне пластырь. А еще больше после того, как мы съездили в магазин за продуктами.

– Ну, после той поездки мы оба окончательно втрескались…

Влюбленность

Пытаюсь спланировать занятия на следующую неделю, но толком не могу сосредоточиться. Я все стараюсь понять, что же в ней такого. Почему все мои мысли заняты только ею? После утренней истории с пластырем я на работе думал только о ней. Хоть бы она сделала или сказала какую-нибудь глупость – тогда я, наверное, смог бы сбросить с себя этот груз… Странное дело!

Никогда в жизни мысли о другом человеке не поглощали меня до такой степени. Мне это сейчас совершенно некстати, но ничто другое, как ни прискорбно, меня не интересует.

В дом с хохотом врывается Колдер, скидывает ботинки и, мотая головой, скачет по гостиной.

– Эта девчонка в тапках с Дартом Вейдером спросила меня, как доехать до магазина. Типа она не знает, где это! Вот дурочка! – заявляет он, подходит к холодильнику и открывает дверцу.

– Она еще там?

Я вскакиваю, бегу к двери и вижу на улице ее джип. Быстро натянув ботинки, я выбегаю из дома, чтобы успеть догнать ее, и с облегчением замечаю, что она возится с навигатором: это даст мне время.

А вдруг она согласится, чтобы я поехал с ней в магазин?

Ну конечно не согласится. Это уже чересчур.

– Плохая идея, – говорю я, подходя к машине и заглядывая в окно.

– Что «плохая идея»? – едва заметно улыбаясь, смотрит на меня она и начинает устанавливать навигатор в держатель.

Черт! И правда, а что – «плохая идея»? Как-то непродуманно я начал!

– У нас тут рядом дорогу ремонтируют, – выпаливаю я первое, что приходит в голову, – тебя эта штука сейчас заведет не туда, куда надо.

Только она собирается что-то ответить, как рядом останавливается машина и какая-то женщина обращается к Лейкен через окно. Наверное, ее мама: они очень похожи, да и акцент одинаковый.

Воспользовавшись тем, что Лейкен отвлеклась, я продолжаю ее разглядывать. Темно-каштановые волосы, но светлее, чем у мамы. Лак на ногтях облезает, как будто она его ковыряет, и от этого она мне почему-то нравится еще больше. Воэн никогда из дома не выходила, не приведя прическу и ногти в идеальное состояние.

Из другой машины выскакивает Кел и приглашает Колдера, который как-то незаметно нарисовался рядом со мной, зайти к ним. Колдер спрашивает у меня, можно ли ему пойти в гости, и я, собравшись с духом, кладу руку на дверь машины Лейкен, совершенно не заботясь о последствиях. Да и черт с ними!

– Конечно, Колдер! Я съезжу с Лейкен в магазин и скоро вернусь, – отвечаю я брату и, плохо соображая, что творю, сажусь к ней в машину.

Она награждает меня выразительным взглядом, но, кажется, ситуация ее скорее забавляет, чем раздражает. Еще один хороший знак!

– Я не очень хорошо умею объяснять дорогу на словах. Ты не против, если я с тобой проедусь?

– Ну, видимо, не против, – смеется она, заметив, что я уже пристегнулся, и включает передачу.

Ближайший продуктовый магазин всего в двух кварталах отсюда. Маловато, думаю я и решаю повезти ее в объезд – так я успею узнать ее поближе.

– Значит, твоего младшего брата зовут Колдер, да? – спрашивает она, сворачивая с нашей улицы.

Как мило, чуть врастяжку, она произносит его имя: «Ко-о-о-олдер».

– Да, он у меня единственный и неповторимый. Мои родители несколько лет пытались завести второго ребенка, поэтому, когда Колдер наконец появился на свет, имена вроде Уилл давно вышли из моды.

– А мне нравится твое имя. – Лейкен улыбается и слегка краснеет, но тут же отворачивается и сосредоточенно смотрит на дорогу.

Она смущается? Смех, да и только! А это что – комплимент? Неужели она со мной кокетничает?! О господи, надеюсь, что это так!

Я делаю ей знак свернуть налево. Она включает поворотник и быстро проводит рукой по своим роскошным волосам – от корней до самых кончиков. Я смотрю на нее едва ли не с открытым ртом. Когда она снова кладет обе руки на руль, я откидываю волосы с ее плеча и чуть сдвигаю рубашку.

Мне хочется, чтобы она думала, будто я просто решил проверить, на месте ли пластырь, а на самом деле меня распирает от желания потрогать ее волосы. Мое прикосновение заставляет Лейкен вздрогнуть. Кажется, она немного нервничает в моем присутствии – надеюсь, в хорошем смысле.

– Тебе скоро надо пластырь сменить. – Я поправляю и слегка разглаживаю на ее плече рубашку.

– Напомни, чтобы я не забыла купить, – просит она, поудобнее перехватывая руль и не сводя взгляда с дороги.

Наверняка она не привыкла ездить в снегопад – надо было предложить самому сесть за руль!

Какое-то время мы молчим. Я задумчиво смотрю на нее и совершенно теряю счет времени. Интересно, сколько ей лет? Выглядит не старше меня. Надеюсь, что на самом деле не старше! Девчонки иногда не любят встречаться с парнями младше их самих. Надо и правда разузнать о ней побольше!

– Итак, Лейкен, – светским тоном произношу я, кладу руку на подголовник ее сиденья и оборачиваюсь, бросая демонстративный взгляд на заваленное коробками заднее сиденье джипа, – расскажи что-нибудь о себе!

– Ммм, нет. Это как-то банально, – иронически приподнимает она бровь и вновь сосредоточивается на дороге.

Ее неожиданная реакция меня смешит. А ей палец в рот не клади! Это мне нравится, но так я никогда не получу ответов на свои вопросы.

– Ладно, – говорю я, взглянув на магнитолу, и нажимаю кнопку «Извлечь диск». – Тогда я сам все узнаю! Знаешь, можно многое сказать о человеке по тому, какую музыку он слушает.

Затаив дыхание, я вытаскиваю диск из магнитолы и готовлюсь к худшему. Только не «Никелбэк», пожалуйста! Тогда придется выпрыгнуть из машины на полном ходу. На диске фломастером написано: «Всякая фигня Лейкен».

– В каком смысле «всякая фигня Лейкен»? Описательном или притяжательном? – смеюсь я.

– Просто я не люблю, когда Кел берет без спросу всякую фигню, которая принадлежит мне, – понятно? – отвечает она, выхватывает у меня диск и вставляет его в магнитолу.

И тут случается чудо… Из колонок раздаются самые прекрасные звуки на свете. И дело не в том, что песня отличная, – у «Братьев Эйвитт» других, в общем-то, и нет, – просто я понимаю, что у нас есть много общего! Мы похожи! Я сижу в ее машине, а она ставит диск с группой, которую я постоянно слушаю больше двух лет!

Ну как такое может быть?

Лейкен наклоняется и убавляет звук, но я хватаю ее за руку:

– Не надо. Я знаю эту группу!

– Да ты что?! – лукаво смотрит на меня она, как будто не верит ни единому моему слову. – И как же она называется?

– «Братья Эйвитт», – отвечаю я.

Лейкен удивленно приподнимает бровь и с любопытством смотрит на меня, пока я произношу название песни. Она любит эту группу так же сильно, как и я, и где-то в глубине живота я начинаю ощущать легкий трепет, которого не чувствовал несколько лет…

Трепет крыльев миллионов бабочек… Господи, я влюбился!

Она опускает взгляд на мою руку, которую я так и не убрал с ее ладони.

Отдернув руку, я делаю вид, что отряхиваю брюки, надеясь, что не доставил ей неприятных ощущений. Кажется, она снова покраснела. Хороший знак! И правда хороший знак!

Остаток пути до продуктового магазина она рассказывает мне о своей семье. В основном говорит о недавней смерти отца и о подарке, который он сделал ей на день рождения. Рассказывает об отце, обо всем, через что пришлось пройти их семье в этом году. Теперь понятно, почему иногда у нее на лице появляется отсутствующее выражение. Я чувствую в ней родственную душу: в каком-то смысле она может понять мои переживания в последние несколько лет. Но рассказать ей о родителях прямо сейчас я почему-то не в силах.

Ее история близится к завершению, я это чувствую, поэтому наконец-то показываю ей настоящую дорогу к магазину, надеясь съехать с темы родителей, до того как настанет моя очередь рассказывать о себе. Мы въезжаем на парковку. Я ощущаю одновременно и облегчение, и тревогу. Облегчение оттого, что мне не надо объяснять ей про нас с Колдером, и тревогу, потому что рано или поздно все равно придется это сделать. Просто мне не хочется спугнуть ее вот так, сразу.

– Ничего себе! – восклицает она. – А это ближайший магазин?! Мы до него ехали двадцать минут!

– Ну, вообще-то, нет, – подмигиваю я ей, распахивая дверь, и выхожу из машины, жутко довольный собой.

Я так давно не общался с девушками, что мог и потерять навык. Думаю, она понимает, что я с ней флиртую. По-моему, я ей нравлюсь, но она явно девушка скромная, не то что я, поэтому полной уверенности у меня нет. Я не люблю играть в такие игры, поэтому решаю рискнуть: хватаю ее за руку и с криком «Побежали!» тащу за собой к входу. И дело не только в том, что на улице дождь, – я нашел еще один повод снова подержать ее за руку.

Мы забегаем в магазин, она промокла до нитки, но радостно смеется. Я впервые слышу ее смех, и он мне нравится!

У нее к щеке прилипла прядка мокрых волос, я протягиваю руку, чтобы убрать ее. Как только мои пальцы прикасаются к ее коже, она поднимает взгляд и перестает смеяться.

Черт возьми, что за глаза! Я не могу отвести от нее взгляд! Она такая красивая! Чертовски красивая!

Лейкен отворачивается и откашливается. Я ощущаю ее настороженность, смущение. Она протягивает мне список покупок и берет тележку.

– А у вас тут в сентябре всегда идет снег? – спрашивает она.

Между нами только что произошло нечто серьезное, немного неловкое… а она задает мне вопросы о погоде?!

– Нет, это на несколько дней, ну, может, на неделю, – со смехом отвечаю я. – Обычно снег выпадает не раньше конца октября. Просто вам так повезло.

– Повезло?!

– Ну да, редкий в наших краях холодный фронт. Вовремя приехали.

– А я думала, здешние снег ненавидят. Здесь же большую часть года снег идет – разве нет?

Официально заявляю, что я обожаю южные диалекты! «Здешние»! Не могу сдержать смех!

– Ты чего? – хмурится она.

– Ничего-ничего, – с улыбкой качаю головой я. – Просто я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в реальной жизни называл местных «здешними». Так мило, по-южному!

– Ах прости! – смеется в ответ она. – Теперь я буду делать, как вы, янки, и тратить время на то, чтобы сказать «все местные жители»!

– О нет, только не это! – Я слегка толкаю ее плечом. – Мне ужасно нравится твой акцент. Он великолепен!

Она снова краснеет, но взгляда не отводит. Я делаю вид, что читаю список продуктов, но не могу не заметить, что она внимательно разглядывает меня. Очень внимательно. Как будто пытается понять, что я за птица, или что-то вроде того.

Наконец она отворачивается, и я веду ее в нужный отдел.

– «Веселые колечки»? – спрашиваю я, глядя, как она берет три огромные коробки кукурузных хлопьев. – Любимый завтрак Кела?

– Вообще-то, мой, – подмигивает мне она.

– Я больше люблю «Рисовые хрустики», – сообщаю я, забирая у нее коробки и бросая их в тележку.

– «Рисовые хрустики» – скукотища.

– Да ладно! Из «Рисовых хрустиков» можно делать батончики. А из твоих колечек что?

– В «Веселых колечках» попадаются звездочки из пастилы! На каждую звездочку можно загадывать желание.

– А, ну тогда ясно! Что будешь загадывать? У тебя ж три коробки – это знаешь сколько желаний!

Она опирается руками на тележку и практически ложится на нее. На лице снова появляется отсутствующее выражение.

– Я бы загадала вернуться домой в Техас, – тихо произносит она.

В ее голосе звучит такая печаль, что мне хочется обнять ее. Не знаю, что ей так не нравится в Мичигане. Просто я ощущаю какую-то настоятельную потребность утешить ее.

– А по чему ты больше всего скучаешь в Техасе?

– По всему. Там нет снега, нет бетона, нет людей, нет… нет ничего незнакомого.

– И есть молодой человек? – к собственному удивлению, спрашиваю я, не подумав.

Такое ощущение, что рядом с ней я перестаю контролировать свои слова и мысли. Она растерянно смотрит на меня, как будто сомневаясь, что правильно поняла мой вопрос, а потом вдруг улыбается, и напряжение, отражавшееся на ее лице несколько секунд назад, мгновенно исчезает:

– Нет у меня молодого человека.

Я радостно улыбаюсь. Вот это отлично!

* * *

Домой я решаю отвезти ее короткой дорогой. Мог бы, конечно, снова поводить ее кругами и провести с ней побольше времени, но решаю, что ей все-таки нужно понять, как добраться до продуктового магазина, на случай если я не смогу поехать с ней в следующий раз. Мы паркуемся возле ее дома, я выхожу из джипа и открываю багажник. Наблюдая, как она собирает пакеты, я, к своему удивлению, обнаруживаю, что крайне огорчен предстоя-

щим расставанием. Не хочется даже думать о том, что вот-вот придется возвращаться домой. Хочется побыть с ней подольше.

Она обходит джип, улыбается и вдруг прижимает руку к сердцу:

– О сэр! Я никогда бы не нашла этот магазин без вашей помощи! Благодарю за ваше радушие, добрый человек!

О господи!

Боже ты мой!

Такой яркий пример южного красноречия мне еще не доводилось слышать! А какая улыбка! А этот выразительный смех! Все, что она делает, пронзает мне сердце. Я едва сдерживаюсь, чтобы не взять ее за подбородок и не поцеловать прямо здесь, сейчас! Смотрю на нее, слушаю ее смех… Господи, да мне никогда в жизни так сильно не хотелось поцеловать девушку!

– В чем дело? – взволнованно спрашивает она, видимо заметив на моем лице признаки разгорающегося внутреннего конфликта.

«Остановись, Уилл!» – едва слышно раздается голос моего разума, но я не обращаю на него внимания, делаю шаг вперед и ласково беру ее за подбородок. Она смотрит мне прямо в глаза, мой смелый ход встречает легким вздохом, но отойти не пытается. Ощущаю пальцами ее нежную кожу. Готов поспорить, губы у нее еще нежнее!

Я смотрю на ее лицо, наслаждаясь его незатейливой красотой. Она не смущена. Мне даже кажется, что она надеется на продолжение…

«Не смей целовать ее! Не смей! Уилл, ты все испортишь!»

Я пытаюсь заглушить назойливый голос, но он все-таки побеждает. Еще слишком рано. К тому же среди бела дня. Господи, да ее мама дома! О чем я вообще думаю?!

Скользнув пальцами по ее шее, я целую ее в лоб, а потом неохотно убираю руку и делаю шаг назад, напоминая себе, что неплохо бы между делом еще и дышать. Рядом с ней у меня перехватывает дыхание, но это приятное ощущение.

– Ты такая милая, – говорю я, чтобы разрядить атмосферу, а потом подхватываю несколько пакетов из багажника и быстро иду к ее дому, пока она не пришла в себя и не двинула мне ниже пояса. Господи, да я ее только что в лоб поцеловал! Мы же знакомы всего два дня!

Поставив пакеты перед дверью, я собираюсь вернуться к джипу, но тут из дома выходит ее мама.

Хорошо, что я сдержал свой порыв, а то нас бы застукали. Боже, ну что за мысли приходят мне в голову!

Я протягиваю ей руку:

– Вы, наверное, мама Лейкен и Кела. Меня зовут Уилл Купер. Мы живем в доме напротив.

Женщина приветливо улыбается. Она весьма милая и выглядит совсем не устрашающе. Поразительно, до чего они с Лейкен похожи!

– Джулия Коэн, – представляется она. – А ты старший брат Колдера?

– Да, мэм. Между нами разница в двенадцать лет.

Она смотрит на меня оценивающе:

– Значит, тебе… двадцать один?

Не могу утверждать с уверенностью, потому что все произошло очень быстро, но готов поклясться, что она подмигнула стоящей за моей спиной Лейкен, а потом с улыбкой снова повернулась ко мне:

– Что ж, я рада, что у Кела и Лейк так быстро появились новые друзья.

– Я тоже!

Джулия берет пакеты с порога и скрывается в доме.

Лейк… Она называет ее Лейк! Это мне нравится еще больше, чем Лейкен, думаю я, доставая из джипа последние пакеты.

– Лейк, значит? Здорово! – говорю я, передавая ей пакеты и захлопывая багажник. Потом прислоняюсь к джипу, скрещиваю руки на груди и делаю глубокий вдох. Предстоит самое трудное: пригласить ее на свидание.

– Вот что, Лейк… Мы с Колдером в пятницу едем в Детройт. У нас там семейные дела. Вернемся поздно вечером в воскресенье. Поэтому я хотел спросить, какие у тебя планы на завтрашний вечер, до нашего отъезда.

Она улыбается, а потом делает такое лицо, как будто изо всех сил пытается вернуть себе серьезный вид. А жаль, улыбка у нее – аж дух захватывает!

– Ты что, хочешь заставить меня признаться в том, что я здесь совершенно никого не знаю?

Она не сказала «нет». Значит, согласна.

– Отлично! Тогда я за тобой зайду в полвосьмого! – Прежде чем она успевает что-то возразить, я поворачиваюсь и направляюсь в сторону своего дома.

Получается, я не то чтобы пригласил ее на свидание. Скорее, сообщил ей, во сколько оно состоится. Но она не возражала. Это хороший знак. Очень хороший знак!

Глава 4

Медовый месяц

Она приподнимается на локтях и кладет подбородок на руки.

– А ты и правда наслаждаешься процессом, – замечаю я.

– По-моему, я тебе не говорила, – улыбается она, – но, когда ты поцеловал меня в лоб, я подумала, что это лучший поцелуй в моей жизни. По крайней мере, на тот момент! – добавляет она, снова падая на подушку.

Наклонившись к ней, я воспроизвожу «лучший поцелуй в ее жизни», но на этот раз лбом дело не ограничивается: я легонько целую ее до самого кончика носа, а потом слегка отстраняюсь.

– В моей тоже, – признаюсь я, глядя в глаза девушке, рядом с которой буду просыпаться каждое утро всю оставшуюся жизнь. Наверное, прозвучит банально, но, по-моему, я самый счастливый мужчина на свете.

– А теперь я хочу знать все о нашем первом свидании! – заявляет она, кладет руки за голову и ждет очередной порции откровений.

Я откидываюсь на подушку и вспоминаю тот день – день, когда я окончательно влюбился в свою жену.

Первое свидание

В таком чудесном настроении я не был уже больше двух лет. На самом деле все эти два года я ни разу не ходил на свидание. Двойная нагрузка – работа на полную ставку и ребенок – к свиданиям не особенно располагает.

Через полчаса нам с Колдером пора ехать в школу, поэтому я решаюсь немного прибраться, раз вечер мы проведем вместе с Лейк. Еще не решил, стоит ли на первое свидание вести ее в клуб «ДЕВ9ТЬ». Слэм – важная часть моей жизни, и я не знаю, как отреагирую, если она не поймет. Или, еще хуже, если ей вообще не понравится.

Воэн никогда особенно не любила поэзию. В клубе «ДЕВ9ТЬ» ей нравилось, но только не на слэме. Вечер четверга мы никогда не проводили вместе. Тут до меня вдруг доходит, что, с тех пор как мы с Лейк познакомились, я впервые вспомнил о Воэн.

– Колдер, наведи порядок у себя в комнате! Сегодня за тобой присмотрит Майя, – говорю я, завидев в коридоре брата.

– Порядок так и там, – ворчит он, закатывая глаза, но все-таки идет к себе.

С тех пор как он познакомился с Келом, брат все время говорит задом наперед. Как правило, я просто не обращаю на это внимания: слишком заморочно.

Я беру заполненный доверху пакет с мусором из бака в кухне и иду в сторону двери, но в коридоре останавливаюсь и смотрю на фотографию: я, Колдер и папа во дворе перед домом. Сделав шаг вперед, вглядываюсь в фото. Раньше я как-то не обращал внимания, но на заднем плане, прямо над папиным плечом, видно гнома в красном колпачке перед домом напротив. Того самого гнома, который разбился, когда на него упала Лейк.

Гном с ухмылкой смотрит прямо в камеру, как будто позирует.

Обвожу взглядом остальные фотографии на стене, вспоминая, когда они были сделаны. Еще совсем недавно я не мог смотреть на эти фотографии. Ненавидел их за те чувства, которые они во мне пробуждали, за то, что заставляли меня еще сильнее скучать по родителям. Сейчас боль перестала быть такой острой, и они пробуждают во мне только светлые воспоминания.

Глядя на фотографии, я вновь думаю о том, что Лейк понятия не имеет, какая на мне лежит ответственность. Придется вечером ей рассказать. Лучше сделать это сейчас. Если она не примет все как есть, будет хотя бы не слишком поздно. Будет гораздо легче, если она скажет мне «нет» сегодня вечером, чем потом, когда мои чувства к ней станут еще сильнее.

Закрываю крышку мусорного бака и оттаскиваю его на обочину. Приближаясь к выходу из двора, я замечаю, что задняя дверь джипа Лейк открыта. Она лежит на животе на сиденье и что-то ищет. Наконец поиски заканчиваются, и она вылезает из машины с кофейником в руках. На ней пижама, а волосы завязаны в узел на макушке.

– Плохая идея, – говорю я, переходя улицу.

Она вздрагивает от неожиданности, а потом с улыбкой оборачивается, захлопывает дверь джипа и подходит ко мне:

– Ну и что я на этот раз делаю не так?!

– Если выпьешь слишком много кофе в такую рань, то заснешь после обеда и вечером не сможешь пойти на свидание с крутым парнем.

Лейк смеется, но улыбка быстро испаряется. Она бросает взгляд на свою пижаму и быстро приглаживает волосы с выражением легкой паники в глазах. Волнуется по поводу своего внешнего вида, понимаю я.

– Ты прекрасно выглядишь, – спешу успокоить ее я. – Прическа «только-что-из-постели» тебе очень к лицу.

– Знаю, – снова улыбается она, прислоняясь к машине, и оглядывает пижаму. – Именно в этом я и собираюсь пойти сегодня вечером. Ты не против?

– Н-ну-у… Как тебе сказать… – Я неторопливо осматриваю ее с головы до ног и останавливаю взгляд на сапожках. – Только при одном условии. Думаю, тебе лучше надеть домашние тапочки!

– Ладно, – смеется она, – договорились! Полвосьмого?

Я киваю и улыбаюсь ей в ответ. Нас разделяет метров пять, но она так пристально на меня смотрит, что кажется, будто между нами считаные сантиметры. Глаза ее непривычно блестят. В отличие от предыдущих двух дней она и правда выглядит счастливой.

Мы не можем оторваться друг от друга… Не говорим ни слова, но и не расходимся. Однако молчание нас не тяготит. Сейчас она смотрит на меня более уверенно. Более спокойно.

С большей надеждой.

Я решаю уйти, пока ситуация не станет неловкой, поэтому делаю пару шагов в направлении дома и машу на прощание рукой:

– Мне пора на работу. До вечера!

Она машет мне в ответ. Но не просто машет, а кокетливо шевелит пальчиками.

Ого! Кто бы мог подумать, что это так возбуждает?!

– Лейк?

– Да? – оборачивается она, улыбаясь одними уголками губ.

– Я правда в восторге от того, как ты выглядишь неумытая и только что из постели, – говорю я, показывая на ее пижаму. – Только зубы почисти до вечера, потому что я собираюсь тебя поцеловать.

Я подмигиваю ей и ухожу домой, не дожидаясь реакции.

* * *

– Доброе утро, миссис Алекс, – здороваюсь я, стараясь не быть слишком приветливым.

Мне приходится следить за каждым словом, когда я говорю с этой женщиной, ибо она все понимает неправильно. Совершенно неправильно! Прохожу мимо ее стола, подхожу к ящикам с почтой и забираю свои конверты. У выхода из почтового отдела она бросается мне наперерез.

– Получили мою записку? – спрашивает она, косясь на бумаги в моих руках. – Я вам записку на стикере оставила!

– Пока не знаю, – пожимаю плечами я, – я только что забрал почту.

Миссис Алекс не отличается доброжелательностью, однако я не вхожу в число тех, кто страдает от ее строптивого нрава. Над ее слабостью уже смеется весь коллектив. Под слабостью подразумеваюсь я. Она лет на двадцать старше меня, да еще и замужем. Однако это не мешает ей открыто проявлять свою привязанность, поэтому теперь я забираю почту только раз в неделю.

– Я вам там сообщение оставила. Звонил ваш куратор из университета и сказал, что ему необходимо с вами встретиться. – Она вырывает из моих рук почту и вываливает ее на стол в поисках своей записки. – Он сказал, что нужно подвести квартальный итог. Клянусь, я сверху положила!

– Большое спасибо, – благодарю я, быстро сгребая письма со стола, и пячусь в сторону выхода. – Извините, но я опаздываю, так что посмотрю позже. Я сообщу, если не найду.

Она улыбается и машет мне на прощание.

Черт! Машет-то как кокетливо! Не надо сюда вообще приходить!

– Всего доброго, – говорю я и ретируюсь со скоростью света.

– Не советую с ней так заигрывать, – раздается из-за плеча голос Гевина, который пристально смотрит на миссис Алекс через окно.

– Гевин, со школьных времен ничего не изменилось! Стало даже хуже: теперь я здесь еще и учитель!

– Она все еще на тебя смотрит, – едва шевеля губами, произносит Гевин и с улыбкой машет рукой миссис Алекс. – Давай поиграй мышцами, покажи себя во всей красе! Пусть хотя бы тобой полюбуется.

Мне жутко неприятна мысль о том, что миссис Алекс будет восхищаться моим «видом сзади», поэтому я меняю тему и спрашиваю, направляясь на первый урок:

– А вы с Эдди сегодня не собираетесь в клуб «ДЕВ9ТЬ»? Я вас там уже пару недель не видел.

– Может, и пойдем. А что? Будешь читать?

– Нет, не сегодня, – качаю головой я. – Но мы придем около восьми. У меня няня может прийти только к половине восьмого, так что жертвоприношение мы, наверное, пропустим.

– Мы?! – останавливается Гевин перед входом в аудиторию. – Кто это «мы»? Неужели Уилл Купер пригласил девушку на свидание?! – изумленно спрашивает он.

Обычно я не общаюсь с учениками за пределами школы, но Гевин и Эдди ходят в клуб «ДЕВ9ТЬ» уже несколько месяцев. Иногда мы сидим за одним столиком, так что общаемся довольно тесно. Если ты начинаешь преподавать в возрасте двадцати одного года, сложновато полностью исключить личные контакты с людьми практически одного с тобой возраста.

– Ну и? Кто она? Кто эта загадочная незнакомка, которой, возможно, суждено положить конец воздержанию Уилла Купера?

– На урок опоздаешь, Гевин! – перестав улыбаться, говорю я учительским тоном и открываю дверь аудитории.

Он смеется, отдает мне честь и уходит по коридору в другую сторону.

* * *

– Еще раз спасибо, Майя. Минут пятнадцать назад я заказал пиццу. Деньги на столе, – сообщаю я, проходя через гостиную, и кладу в карман ключи от машины и бумажник. – Последнее время Колдер часто говорит задом наперед, ты не обращай внимания. Если ему надо будет сказать что-то важное, он сделает это по-нормальному!

– А ты мне что, в два раза больше заплатишь? – спрашивает она, падая на диван с пультом от телевизора в руке. – Мы про второго мальчика не договаривались.

– Это наш сосед, – объясняю я. – Он скоро пойдет домой. А если не пойдет… Что ж, тогда заплачу по двойному тарифу.

Уже в дверях я сталкиваюсь с мальчиками, которые как раз возвращаются в дом. Кел останавливается на пороге, упирается руками в бедра и смотрит на меня снизу вверх:

– А ты что, парень моей сестры?

– Э-э-э… Нет. Просто друг, – опешив от такого напора, бормочу я.

– А она сказала маме, что у вас с ней свидание! Я думал, девчонки на свидания ходят только со своими парнями!

– Понимаешь… – Я на миг умолкаю, подбирая слова. – Иногда мальчики приглашают девочек на свидание, чтобы узнать, хотят ли они с ними встречаться.

Рядом стоит Колдер и с неменьшим любопытством, чем Кел, слушает мои объяснения. Вот черт, я сейчас совершенно не готов объяснять им, как правильно встречаться с девочками…

– То есть это вроде как тест? – спрашивает Колдер. – Проверить, хочешь ли ты, чтобы Лейкен была твоей девушкой.

– Н-ну… Можно, наверное, и так сказать, – пожав плечами, киваю головой я.

– Она тебе не понравится, – смеется Кел. – Она часто рыгает. И все время командует. И не разрешает мне пить кофе, а значит, и тебе не разрешит. А еще она слушает дурацкую музыку, слишком громко поет и раскидывает свои лифчики по всему дому. Фу, гадость!

– Спасибо, что предупредил. – Я с трудом сдерживаю улыбку. – Думаешь, сейчас уже поздно все отменить?

– Ага, – кивает Кел, не заподозрив подвоха. – Она уже нарядилась, так что теперь придется тебе ее куда-нибудь вести…

– Ничего не поделаешь. В конце концов, это займет всего несколько часов, – в притворном расстройстве вздыхаю я. – Надеюсь, она не будет постоянно рыгать, говорить мне, что делать, отнимать кофе, подпевать этой дурацкой музыке и раскидывать свои лифчики в моей машине! – Если честно, я искренне надеюсь на обратное.

– Удачи! – с неподдельным сочувствием произносит Кел, проходя мимо меня.

Я смеюсь и закрываю за собой дверь. Уже на полпути к машине я замечаю, что Лейк вышла из дома и идет по двору.

– Готова?! – кричу я.

– Ага! – кричит в ответ она.

Я жду, что она подойдет к машине, но она не двигается с места, хотя вроде как уже собралась. Чего она там стоит?

– Иди сюда! – кричу я.

Лейк стоит, скрестив руки на груди, и не двигается с места.

– Сдаюсь! – смеюсь я и поднимаю руки. – Ты что делаешь?

– Ты сказал, что заберешь меня в полвосьмого. Вот я и жду, пока ты меня заберешь!

Довольно улыбаясь, я сажусь в машину, задом въезжаю к ней во двор, выхожу, открываю перед ней пассажирскую дверь и только тут замечаю, что она не в тапочках. Черт, а я-то надеялся, что утром она говорила серьезно. Жаль, что еще не совсем стемнело и мне не удастся скрыть свой заинтересованный взгляд. Она завила волосы и немного подкрасилась. На ней джинсы и фиолетовая рубашка, подчеркивающая зеленый цвет глаз. Она… само совершенство!

Мы садимся в машину, я оборачиваюсь и достаю с заднего сиденья бумажный пакет.

– У нас нет времени на ужин, так что я сделал горячие бутерброды, – объясняю я, протягивая ей бутерброд и лимонад.

Надеюсь, она не сильно расстроится, что я не веду ее в ресторан. У нас и правда нет времени. Я хотел было зайти к ней и предупредить, но потом решил просто взять что-нибудь с собой перекусить. Интересно, как она отреагирует, если свидание окажется не совсем обычным. Возможно, это жестоко с моей стороны, но она улыбается – видимо, не расстроилась.

– Ничего себе! На первом-то свидании! – подмигивает она, кладет бутерброд на коленки и открывает лимонад. – А куда мы так торопимся? Я так понимаю, не в ресторан?

– Сюрприз! – загадочно говорю я, выезжая из двора. – Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне, поэтому сегодня хочу лучше познакомить тебя со мной.

– Что ж, звучит многообещающе, – улыбается она и принимается за бутерброд.

Хорошо, что она не пытается все-таки выспросить у меня, куда мы едем. Сложно объяснить, что мы идем в клуб, хотя сегодня четверг, да еще будем слушать, как какие-то люди читают свои стихи. Звучит совсем не так классно, как на самом деле. Я хочу, чтобы она сначала увидела все своими глазами, без лишних ожиданий или предубеждения.

Мы доедаем бутерброды, Лейк бросает пакет с мусором на заднее сиденье и поворачивается ко мне.

– А какие у тебя родители? – спрашивает она, непринужденно откидываясь на подголовник.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно, чтобы она не заметила напряженного выражения моего лица. А я-то надеялся, что этот разговор зайдет уже на обратном пути или удастся вообще его избежать. Не хочу, чтобы это стало темой нашей первой беседы и испортило настроение на весь вечер. Я стараюсь глубоко дышать и надеюсь, что Лейк не заметит, что со мной творится…

Черт, как же сменить тему?

Я решаю предложить ей сыграть в одну игру. Мы с Колдером часто так развлекаемся в дороге, пока едем к бабушке с дедушкой. Надеюсь, Лейк не решит, что она слишком странная, но так мы скоротаем время и узнаем друг друга получше.

– Я не очень-то люблю разговоры разговаривать, Лейк. Давай с этим потом разберемся, а пока можем заняться чем-нибудь поинтереснее.

Я усаживаюсь поудобнее и готовлюсь объяснить ей правила игры, но, обернувшись, замечаю, что она смотрит на меня едва ли не с отвращением!

Господи, ну что я такого сказал?! Повторив про себя последнюю фразу, я понимаю, что сморозил! Ну конечно, она просто неправильно меня поняла!

– Лейк, да ты что?! Я всего лишь имел в виду, что не хочу говорить на те темы, на которые как бы «положено»!

– Ф-фу-у, слава богу! – с облегчением смеется она.

– Есть такая игра «Ты бы предпочел…». Играла когда-нибудь?

– Нет, – мотает головой она, – но я бы предпочла, чтобы начал ты!

Мне кажется, если я начну с какой-нибудь старой штуки, которую уже использовали мы с Колдером, то это будет как-то нечестно, поэтому я быстро пытаюсь придумать что-нибудь новенькое.

– Ладно, – откашливаюсь я, – начинаем! Ты бы предпочла провести всю оставшуюся жизнь без рук или с руками, но при условии, что их нельзя будет контролировать?

Помню, мы с Колдером как-то пытались уговорить Воэн поиграть с нами по дороге в Детройт, но она только театрально закатила глаза и сказала, что нам пора бы уже подрасти. От Лейк я ожидаю другой реакции. И правда: она смотрит на меня совершенно серьезно и как будто обдумывает ответ.

– Думаю, второй вариант, – говорит она. – С руками. Даже при условии, что не смогу их контролировать.

– Да ладно! – смеюсь я, взглянув на нее. – Так ты же не сможешь их контролировать! Они будут двигаться туда-сюда и то и дело заезжать тебе по носу! Или того хуже: вдруг ты схватишь ножик и решишь зарезать себя?!

Она смеется. Черт побери, обожаю этот смех!

– Не знала, что в этой игре есть правильные и неправильные ответы.

– Ты проиграла. Твоя очередь.

– Ладно, – улыбается она, потом хмурит лоб и откидывается на спинку сиденья. – Дай подумать…

– Думать не по правилам. Надо задавать вопрос сразу.

– Уилл, так нечестно! Я же впервые услышала об этой игре полминуты назад! Погоди, сейчас что-нибудь придумаю!

– Шучу! – Я нежно глажу ее по руке.

Вообще-то, я не собирался брать ее за руку, но почему-то это кажется мне очень естественным, поэтому я не отпускаю ее. Все выходит как-то само собой, словно мы даже и не задумываемся над своими действиями. Я смотрю на наши переплетенные пальцы, а она тем временем делает свой ход. Игра ей явно нравится, и мне приятно смотреть на нее. Мне нравится, что ей нравятся горячие бутерброды с сыром вместо похода в ресторан. Мне нравятся

девушки, которые время от времени предпочитают простые вещи. Мне нравится держать ее за руку.

Мы проводим еще несколько раундов, и Лейк удается придумать такие странные вопросы, что Колдер умер бы от зависти. Дорога до клуба занимает полчаса, а кажется, мы доехали всего за пять минут. Мы уже заезжаем на парковку, и напоследок я решаю задать ей еще один вопрос. Левой рукой, чтобы не выпускать ее ладонь из правой, я выключаю двигатель.

– Ну и последний вопрос, – говорю я. – Ты сейчас предпочла бы быть в Техасе? Или здесь?

Она проводит большим пальцем по моей ладони. Так, ответ как минимум не негативный. Скорее наоборот: она слегка улыбается и поднимает на меня глаза. Уже открыв рот, чтобы ответить, она вдруг замечает вывеску на здании, к которому мы подъехали, и улыбка на ее лице мгновенно гаснет.

– Уилл… Я не люблю танцевать, – неуверенно говорит она, открывая дверцу.

– Я тоже! – киваю я, выходя из машины.

Момент упущен, но я все-таки обратил внимание, что на последний вопрос она не ответила. Я обхожу машину, беру Лейк за руку и веду ее внутрь. Мы заходим в зал, я осматриваюсь в поисках местечка поукромнее: меня здесь знают многие завсегдатаи, а хочется побыть с ней наедине. Заметив свободный диванчик в дальнем углу зала, я веду ее туда. Хочу, чтобы она получила настоящие, живые впечатления, чтобы нас постоянно не перебивали и не отвлекали.

– Там потише, – поясняю я.

Она с любопытством смотрит по сторонам и отмечает, что здесь собрались не обычные любители проводить время в клубах. А она наблюдательная!

– Ну, сегодня вечером это не совсем обычный клуб, – объясняю я, пропуская ее вперед на диванчик и садясь рядом. – Сегодня вечер слэма. По четвергам клуб закрывают, и люди приходят на соревнование по слэму.

– А что такое слэм? – с любопытством спрашивает она, отворачиваясь от столика, за которым сидят практически дети, и переводя взгляд на меня.

– Это поэзия. Самое важное в моей жизни!

Я жду, что Лейк рассмеется. Нет, она смотрит прямо на меня, как будто не поняла, что я сказал. Я уже собираюсь повторить фразу, но не успеваю.

– Поэзия, значит? – с почти восхищенной улыбкой переспрашивает она. – А люди читают свои стихи или чужие?

– Люди выходят на сцену и изливают душу, используя язык слова и тела. Это потрясающе! Здесь ты Дикинсон или Фроста не услышишь.

По-моему, она заинтригована. Поэзия всегда играла в моей жизни огромную роль, поэтому я волновался, сможет ли она понять меня. Кажется, она не только понимает, но и в восторге!

Я объясняю ей правила соревнований. Она задает много вопросов, и я потихоньку успокаиваюсь. Закончив рассказ, я решаю взять нам что-нибудь выпить, пока на сцену не вышла жертва.

– Хочешь чего-нибудь?

– С удовольствием. Шоколадное молоко, пожалуйста.

Я ожидаю, что она сейчас рассмеется собственной шутке, но она молчит.

– Серьезно? Шоколадное молоко?

– Со льдом, – как ни в чем не бывало добавляет она.

– Что ж, ладно. Шоколадное молоко со льдом будет буквально через минуту!

Я выхожу из кабинки, иду в бар за напитками, делаю заказ, а потом оборачиваюсь и, облокотясь на стойку, наблюдаю за ней. Когда мы вместе, у меня появляется такое чувство… чувство, которого мне очень не хватало. Она стала первым человеком за последние два года моей жизни, который внушает мне какое-то подобие надежды на будущее.

Наблюдая за ней, я понимаю, что совершаю огромную ошибку, сравнивая ее реакции с реакциями Воэн. Несправедливо ожидать, что Лейк оттолкнет простота свидания или игра, которую я предложил ей в дороге. Несправедливо предполагать, что Лейк не нравится поэзия, только потому, что Воэн не интересовалась стихами. А еще несправедливо предполагать, что она оттолкнет меня, если узнает, что я опекун Колдера.

Эта девушка ни капли не похожа на Воэн.

Эта девушка вообще не похожа ни на одну из тех, кого я знаю. Эта девушка…

– Симпатичная, – раздается неожиданно голос Гевина.

Он стоит рядом со мной и наблюдает за тем, как я наблюдаю за Лейк.

– Как ее зовут? – спрашивает он и заказывает два коктейля.

– Лейкен, – отвечаю я, – Да, она и правда симпатичная.

– А вы давно встречаетесь? – не отстает Гевин, снова поворачиваясь ко мне.

– Э-э-э… – Я смотрю на часы. – Сорок пять минут!

– Ничего себе! – смеется он. – Судя по тому, как ты на нее смотришь, можно подумать, что гораздо дольше… А где вы познакомились?

Бармен протягивает мне сдачу и чек за напитки. Взглянув на чек, я не могу не рассмеяться. Там и правда написано: «Шоколадное молоко со льдом»! Я аккуратно складываю чек и убираю его в бумажник.

– Вообще-то, это моя новая соседка, – объясняю я Гевину. – Въехала в дом напротив три дня назад.

– Да-а-а, – качает головой он, поглядывая на Лейк. – Тогда, надеюсь, у вас все получится… А то может неловкая ситуация выйти…

– Ты прав, – киваю я. – Но у меня на ее счет хорошее предчувствие.

– Мы с Эдди сидим вон там, – машет рукой на первые ряды Гевин. – Я постараюсь занять ее чем-нибудь, чтобы вы могли спокойно побыть наедине. Если она увидит тебя с девушкой, то сразу же помчится к ней с предложением дружбы до гроба и тому подобной ерундой…

– Спасибо, – смеюсь я, зная, что он совершенно прав, а потом забираю напитки и направляюсь к нашей кабинке, радуясь, что сегодня не придется никого ни с кем знакомить. Кажется, я к этому еще не готов.

Глава 5

Медовый месяц

Лейк резко садится на постели и сердито смотрит на меня:

– Какого черта, Уилл?!! Гевин знал про нас? Знал с самого начала?

– А ты думаешь, только у вас с Эдди были от нас тайны?!

– Эдди знала, что он в курсе? – недоверчиво спрашивает она.

– Думаю, нет. В отличие от некоторых Гевин умеет хранить секреты.

– Поверить не могу! – Прищурившись, она пораженно откидывается на подушку. – И что он сказал, когда я явилась к тебе на урок?

– Ну, я мог бы рассказать тебе все о том дне, но тогда придется пропустить наш первый поцелуй. Тебе разве не хочется послушать, чем закончилось наше свидание?

– Ты же знаешь, что хочется! – улыбается она.

Очертя голову

– А что такое «время жертвы»? – спрашивает она, когда я возвращаюсь за столик с напитками.

– Время жертвы – пробный шар для жюри. Сейчас кто-нибудь выступит вне конкурса, чтобы судьи имели какую-то точку отсчета для выставления баллов.

– Значит, вызвать могут любого? Даже меня? – Похоже, одна только мысль об этом приводит ее в ужас.

– Что ж, лучше иметь что-нибудь наготове для такого случая, – поддразниваю ее я.

Она смеется, кладет локоть на стол, поворачивается ко мне и проводит рукой по волосам. Я ощущаю едва уловимый аромат ванили. Какое-то время она просто смотрит на меня и улыбается. Улыбаются даже глаза. Она выглядит умиротворенной, и мне это по душе.

Мы сидим так близко, что я ощущаю тепло ее тела. Наши бедра соприкасаются, руки всего в сантиметре друг от друга. Она переводит взгляд с глаз на губы, и впервые за весь вечер я чувствую, что пришло время для первого поцелуя. От одного взгляда на ее губы мне хочется целовать их снова и снова, ведь она так близко. Я напоминаю себе, что, хотя сегодня вечером я просто Уилл, за мной наверняка наблюдает как минимум один из моих учеников.

Безмолвная близость, возникшая между нами, заставляет Лейк покраснеть. Она отворачивается к сцене, будто почувствовав, что я борюсь с желанием поцеловать ее. Я беру ее за руку и кладу себе на колено. Под столом. Опускаю взгляд и медленно глажу ее пальцы, потом запястье, мне уже не терпится погладить ее предплечье, потом добраться до губ… Однако я вовремя останавливаюсь. Ласкаю кончики ее пальцев и мечтаю оказаться с ней где-нибудь наедине, подальше от посторонних взглядов. Не понимаю, что завораживает меня в этой девушке. Не понимаю, почему мне хочется говорить с ней о вещах, о которых в другой ситуации я не стал бы даже упоминать.

– Лейк, не знаю почему… – начинаю я, продолжая легко скользить кончиками пальцев по ее руке, и после секундной паузы признаюсь: – Ты мне очень нравишься.

Наши пальцы сплетаются, и я отворачиваюсь к сцене, чтобы она не чувствовала себя обязанной что-либо ответить, однако краем глаза замечаю, как она хватает свой стакан и быстро выпивает все шоколадное молоко. Значит, она тоже это чувствует!

Жертва поднимается на сцену, и Лейк будто подменяют. По-моему, на какое-то время она даже забывает, что рядом сижу я. Женщина начинает декламировать свои стихи. Лейк наклоняется вперед и слушает очень внимательно – от начала до конца. Меня буквально завораживает выражение ее лица, и я не в силах отвести от нее взгляд. Как же между нами возникла столь глубокая связь, да еще так быстро?

Мы провели так мало времени вместе… Черт, да я вообще ее практически не знаю! Не знаю, на кого она учится, какое у нее второе имя, когда день рождения… В глубине души я прекрасно знаю, что все это не имеет никакого значения. Важно только то, что происходит здесь и сейчас, и этот момент – однозначно мой «отпад» на сегодня.

Жертва закончила свое выступление. Лейк убирает руку из моей и вытирает слезы с глаз. Я обнимаю ее и прижимаю к себе. Она не сопротивляется и кладет голову мне на плечо.

– Ну как? – спрашиваю я, касаясь подбородком ее макушки и поглаживая волосы, источающие аромат ванили.

Похоже, ваниль становится моим любимым запахом, не говоря уже о том, что я теперь просто обожаю южный акцент.

– Это просто потрясающе! – шепчет она.

Потрясающе! Именно так я в свое время сказал папе, когда он впервые привел меня на слэм.

Поборов в себе желание взять ее за подбородок и впиться губами в рот, я решаю все-таки подождать, пока мы останемся наедине. Но желание захватывает меня целиком, сердце явно не в ладу с разумом, и я наклоняюсь вперед, прижимаюсь губами к ее лбу и закрываю глаза. Пока на этом придется остановиться.

Мы сидим в обнимку и слушаем дальнейшие выступления. Она смеется, плачет, вздыхает, морщится от боли, словно проживая каждое выступление вместе с автором. Когда на сцену выходит последний участник первого раунда, я понимаю, что опоздал. Я хотел рассказать ей все до того, как дело примет серьезный оборот, но совершенно не ожидал, что это случится так скоро… Я зашел слишком далеко, и пути к отступлению отрезаны: я влюблен по уши.

Продолжая смотреть на сцену, я краем глаза слежу за Лейк, внимательно наблюдающую за тем, как выступающий настраивает микрофон. Затаив дыхание, она ждет начала выступления.

– Стихотворение называется «Очень длинное стихотворение», – объявляет поэт. Лейк смеется и подается вперед.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.
Люди не любят *говорить* о смерти, потому что
им становится *грустно.*

Они не хотят ***представлять себе,*** как жизнь будет
продолжаться ***без*** них:
все, кого они любили, немного погорюют,
но будут продолжать *дышать*.

Они ***не хотят*** думать о том, что жизнь будет
продолжаться без ***них***,
их дети будут ***расти***,
заключать браки,
стареть…

Они не хотят ***представлять себе***, как жизнь будет
продолжаться без них:
их вещи *продадут,*
на медицинской карте поставят штамп «Завершено».
Их имена станут лишь *воспоминанием* для всех,
кого они *знают*.
Они не хотят ***представлять себе***, как жизнь будет
продолжаться ***без*** них, поэтому не принимают смерть
заранее, предпочитая ***избегать*** этой темы,
надеясь и ***молясь*** о том, что она ***непостижимым образом…***
минует их.
Забудет о них,
пройдет мимо и заберет ***следующего*** в очереди.

Нет, они не ***хотели*** представлять себе, как жизнь будет
продолжаться…
без них.

Но смерть
никого
не забывает.
Поэтому они столкнулись ***лоб в лоб*** со смертью,
скрывавшейся под личиной автопоезда
в клубах *тумана.*
Нет.

Смерть не ***забыла*** о ***них***.

Если бы они ***только*** успели ***подготовиться, принять неизбежное,*** построить свои ***планы***, понимая, что ***на кону*** не только ***их*** жизнь.

По закону в девятнадцать лет меня могли считать
взрослым человеком, но
я чувствовал себя ***всего лишь***
девятнадцатилетним.

И был совершенно не готов,
ошеломлен
тем, что в моих руках оказалась ***жизнь*** семилетнего
ребенка.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой ***жизни***.

*** * ***

Участник отходит от микрофона. Лейк смахивает еще одну слезинку и начинает аплодировать вместе со всеми. Ее полностью захватило происходящее. Когда она наконец снова прижимается ко мне, я беру ее за руку. Мы провели здесь уже два часа. Она наверняка устала, ведь неделя у нее выдалась непростая. Да и сам я обычно до конца не остаюсь, потому что в пятницу нужно идти на работу.

Я уже собираюсь встать, чтобы вывести ее из кабинки, и тут ведущий последний раз вызывает на сцену желающих. Лейк поворачивается ко мне, и я сразу понимаю, что у нее на уме.

– Нет, так нельзя! – заявляет она. – Как ты можешь привести меня сюда и не выступить?! Ну пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!!

Я совершенно не собирался выступать. Вообще не собирался. Но, господи, как же она на меня смотрит! Поняв, что все равно не смогу ей отказать, я сдаюсь. Этим глазам не скажешь «нет». Я со смехом откидываюсь на спинку дивана:

– Лейк, ты меня убиваешь! Говорю же, у меня пока нет ничего нового!

– Ну, прочитай что-нибудь старое! Или народу слишком много и ты боишься?

Она не знает, что я выступаю очень часто и уже привык. Для меня это так же естественно, как дышать. Я не нервничаю перед выходом на сцену уже пять лет – с тех пор, как вышел на нее в первый раз.

По крайней мере, не нервничал до сегодняшнего дня.

Я наклоняюсь к ней и смотрю прямо в глаза:

– Не боюсь… Но в зале есть одна девушка…

Наши лица так невероятно близко, что было бы вполне естественно ее поцеловать. Еще пара сантиметров, и я могу ощутить вкус ее губ. Она перестает улыбаться и чуть прикусывает нижнюю губу, а взгляд скользит по моему рту. Я понимаю, что она хочет того же, что и я. Непривычное волнение где-то в области живота нарастает, и я быстро теряю самообладание, но едва начинаю наклоняться к ней, как она складывает ладони под подбородком и жалобным голосом просит:

– Не заставляй меня умолять!

– Ты уже умоляешь! – со смехом отстраняюсь я, на секунду даже забыв о ее просьбе.

Продолжая держать сложенные ладони под подбородком, она смотрит на меня с ангельской улыбкой, и я понимаю, что никогда не смогу ни в чем ей отказать.

– Ну ладно, ладно, – сдаюсь я. – Но помни, ты сама напросилась!

Достаю из кармана бумажник, вынимаю деньги и машу купюрой:

– Я участвую!

Ведущий узнает меня, я выхожу из кабинки и начинаю пробираться к сцене. К такому повороту событий я оказался совершенно не готов… Ну как я мог не подумать о том, что она может попросить меня выступить? Надо было что-нибудь новенькое написать. Ладно, просто расскажу мое любимое, о преподавании. Оно довольное простое, к тому же мы, по-моему, еще не говорили о том, чем я занимаюсь. Вот заодно и узнает.

Я выхожу на сцену, поправляю микрофон и смотрю на зрителей. Когда наши взгляды встречаются, она облокачивается на стол и кладет подбородок на руки, потом кокетливо машет мне и широко улыбается. Она так на меня смотрит, что сердце тут же сжимается от чувства вины. Сейчас она смотрит на меня так же, как я на нее.

С надеждой.

И тут до меня доходит, что не стоит упускать такую возможность и читать стихотворение о моей профессии. Это мой шанс выложить все как есть… Использовать выступление как способ объяснить ей, кто я есть на самом деле. Если сила ее чувства ко мне может хотя бы вполовину сравниться с моей, она заслуживает правды и должна знать, что может ожидать ее впереди.

– Что ты будешь сегодня читать, Уилл?

– Стихотворение под названием «Смерть», – отвечаю я, не сводя глаз с Лейк.

Ведущий уходит со сцены, я делаю глубокий вдох и готовлюсь произнести слова, которые решат, есть ли у нас с ней будущее.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.
Люди не любят *говорить* о смерти, потому что
им становится *грустно.*
Они не хотят ***представлять себе,*** как жизнь будет
продолжаться ***без*** них:
все, кого они любили, немного погорюют,
но будут продолжать *дышать*.
Они ***не хотят*** думать о том, что жизнь будет
продолжаться без ***них***,
их дети будут ***расти***,
заключать браки,
стареть…
Они не хотят ***представлять себе,*** как жизнь будет
продолжаться без них:
их вещи *продадут,*

на медицинской карте поставят штамп «Завершено».
Их имена станут лишь *воспоминанием* для всех, кого они *знают*.
Они не хотят ***представлять себе,*** как жизнь будет
продолжаться ***без*** них, поэтому не принимают смерть
заранее, предпочитая ***избегать*** этой темы,
надеясь и ***молясь*** о том, что она ***непостижимым***
образом…
минует их.
Забудет о них,
пройдет мимо и заберет ***следующего*** в очереди.
Нет, они не ***хотели*** представлять себе, как жизнь будет
продолжаться…
без них.
Но смерть
никого
не забывает.
Поэтому они столкнулись ***лоб в лоб*** со смертью,
скрывавшейся под личиной автопоезда
в клубах *тумана.*
Нет.
Смерть не ***забыла*** о ***них***.
Если бы они ***только*** успели ***подготовиться, принять***
неизбежное, построить свои ***планы***, понимая, что ***на кону*** не
только ***их*** жизнь.
По закону в девятнадцать лет меня могли считать
взрослым человеком, но
я чувствовал себя ***всего лишь***
девятнадцатилетним.
И был совершенно не готов,
ошеломлен
тем, что в моих руках оказалась ***жизнь*** семилетнего
ребенка.
Смерть. Единственное, что неизбежно в этой ***жизни***.

*** * ***

Я отхожу от микрофона, волнуясь еще больше, чем в начале выступления. Я выложил все начистоту. Вся моя жизнь в концентрированном виде уместилась в стихотворении, прочитанном за одну минуту.

Сойдя со сцены, я иду в нашу кабинку. Лейк тыльной стороной ладони вытирает слезы. Пока непонятно, о чем она думает, поэтому я иду медленно, чтобы дать ей время осмыслить все услышанное.

Сажусь рядом с ней. Лицо у нее грустное, поэтому я улыбаюсь, пытаясь разрядить ситуацию, и протягиваю руку за стаканом.

– Я же предупреждал!

Лейк молчит, и я не знаю, что еще сказать, чувствую себя неловко и начинаю думать, что, возможно, выбрал не лучший способ посвятить ее в историю моей жизни. Наверное,

мое откровение оказалось для нее слишком неожиданным. Надеюсь, она не станет говорить, как ей меня жаль… Ненавижу, когда меня жалеют.

Я уже начинаю раскаиваться, что выбрал именно это стихотворение, как вдруг Лейк берет меня за руку – нежно, словно без слов пытается передать мне все, о чем думает. Поставив стакан на стол, я поворачиваюсь к ней и вижу в ее глазах совсем не жалость, а нечто совсем другое: в ее глазах сияет надежда!

Эта девушка узнала о моей жизни все – все, о чем я боялся ей рассказать: о смерти родителей, о гневе и обиде на них, о лежащей на мне ответственности, о том, что, кроме меня, у Колдера никого нет. Она знает обо всем этом и все равно продолжает с надеждой смотреть на меня полными слез глазами. Я касаюсь ее щеки и провожу пальцем по мокрой дорожке. Она берет мою руку в свои, подносит к губам и, не отводя взгляда, целует меня прямо в ладонь. У меня аж сердце замирает. В этом простом жесте ей каким-то образом удается передать мне все свои мысли и эмоции.

Мне вдруг становится совершенно все равно, кто на нас смотрит. Я должен поцеловать ее… Просто обязан!

Я беру ее лицо в ладони и склоняюсь к нему все ближе, пытаясь заглушить голос разума, который вопит, что надо немного подождать. Она с готовностью прикрывает глаза, я замираю в нерешительности, но, как только ее дыхание касается моих губ, понимаю, что пропал. Медленно я прижимаюсь губами к ее нижней губе – удивительно мягкой, нежной. Кажется, будто все звуки вокруг стихли и раздается лишь стук моего собственного сердца, заставляющий пульсировать каждую клеточку тела. Я медленно скольжу губами к ее верхней губе, но, почувствовав, что ее губы начинают раскрываться, неохотно отстраняюсь. Я очень хочу поцеловать ее, больше всего на свете, но все-таки помню, что вокруг много людей, двое из которых к тому же мои ученики. Я решаю отложить настоящий поцелуй на потом – ведь стоит только начать, и останавливаться уже точно не захочется.

– Терпение, – шепчу я, призывая на помощь всю свою выдержку.

Я глажу ее по щеке и, прикрыв глаза, прижимаюсь к ней губами. Лейк понимающе улыбается. Я скольжу пальцами по ее рукам и пытаюсь восстановить дыхание, потом прижимаюсь к ее лбу своим и смотрю ей прямо в глаза. В этот момент я точно знаю, что она чувствует.

– Ничего себе! – выдыхает она.

– Да уж! – соглашаюсь я.

Еще несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза. Когда ведущий начинает объявлять, кто прошел во второй раунд, я быстро возвращаюсь в реальность. Все, хватит! Если мы останемся здесь, я посажу ее к себе на колени и зацелую до смерти! Нет, лучше уйти отсюда.

– Давай сбежим, – шепчу я, беру ее за руку и веду к выходу.

– Ты не хочешь остаться до конца? – спрашивает она, когда мы выходим на улицу.

– Лейк, ты много времени провела в дороге, а потом несколько дней распаковывала вещи. Тебе надо выспаться.

– Выспаться… – Она зевает. – Неплохая идея.

Мы подходим к машине, я открываю дверцу, но, прежде чем усадить Лейк, крепко ее обнимаю. Все происходит неожиданно и быстро, как будто даже против моей воли. Что она со мной делает? Такое ощущение, что мозг просто отказывается работать в ее присутствии.

Надо взять себя в руки и отпустить ее, пока ситуация не зашла слишком далеко, думаю я, но ничего не могу с собой поделать. Она тоже обнимает меня, кладет голову мне на грудь и вздыхает. Несколько минут мы стоим молча, боясь шелохнуться. Я не целую ее, не глажу, не говорю ни слова, но почему-то мне кажется, что такой близости я никогда еще ни с кем не ощущал.

Никогда.

Я не хочу отпускать ее, но краем глаза замечаю, что из клуба выходят Гевин и Эдди, поэтому отстраняюсь и наконец усаживаю Лейк в машину. Сейчас неподходящий момент знакомить ее с Эдди.

Мы выезжаем с парковки. Лейк прислоняется лбом к стеклу и вздыхает:

– Уилл… спасибо тебе!

Я беру ее за руку. На самом деле это мне хочется сказать ей «спасибо. От сегодняшнего вечера я ожидал многого, но он превзошел все мои ожидания. Лейк устала, я вижу, что она вот-вот заснет. Она прикрывает глаза, и я всю дорогу молчу – пусть отсыпается.

Подъехав к ее дому и притормозив, я ожидаю, что Лейк проснется, но она спит. Я глушу двигатель и собираюсь разбудить ее, но у нее такое безмятежное выражение лица, что у меня рука не поднимается. Глядя на нее спящую, я пытаюсь разобраться в своих чувствах. Как вышло, что мне стал так близок человек, с которым мы знакомы всего несколько дней?

Я любил Воэн, но, если честно, такой эмоциональной связи у нас не было никогда. Ничего подобного, с тех пор как… На самом деле я такого вообще не помню. Новизна, страх, радость, волнение, спокойствие – словно я ощущаю все чувства сразу и они сливаются в единую волну, которая подталкивает меня к Лейк, побуждает обнять ее и никогда не отпускать.

– Спасибо тебе, – шепчу я, прижимаясь губами к ее лбу.

Я выхожу из машины и открываю ее дверь – Лейк тут же просыпается. Я помогаю ей выйти, и мы молча идем к ее дому, держась за руки. На прощание я снова прижимаю ее к себе. Она кладет голову мне на грудь, как будто объятие на парковке у клуба и не заканчивалось. Интересно, это кажется ей таким же естественным, как и мне?

– С ума сойти, – вздыхает она, – тебя не будет целых три дня! Столько же, сколько мы с тобой знакомы!

– Это будут три самых длинных дня в моей жизни, – смеюсь я, обнимая ее еще крепче.

Мы не разжимаем объятий, не желая расставаться. Наверное, понимаем, что впереди три самых длинных дня в нашей жизни.

Лейк украдкой косится на окно, как будто опасается, что за нами кто-то наблюдает. Меня охватывает непреодолимое желание поцеловать ее, но вместо этого я просто чмокаю ее в щеку, выпускаю из объятий и медленно возвращаюсь к машине. Лейк смотрит мне вслед с такой лучезарной улыбкой, что я тут же начинаю жалеть, что не поцеловал ее по-настоящему. Сев в машину, я понимаю, что, если не исправлю свой промах, заснуть мне сегодня ночью не удастся.

– Лейк! – окликаю я, открыв окно. – До дома путь неблизкий. Может, поцелуешь меня на дорожку?

Она смеется, подходит к машине и наклоняется к окну. Я нежно беру ее за затылок и притягиваю к себе. Как только наши губы встречаются, я понимаю, что окончательно пропал. Ее губы слегка приоткрываются… Наш первый поцелуй удивительно медленный и нежный. Она тянется ко мне через окно и гладит по волосам, притягивая к себе, – одним словом, сводит меня с ума. Поцелуй становится настойчивее, и я подумываю, не отменить ли нашу поездку. Наконец узнав вкус ее губ, я не смогу обойтись без них целых три дня. Ее губы именно такие, как я себе представлял. Разделяющая нас дверца машины кажется мне пыточным орудием. Мне хочется втащить эту девушку через окно и усадить к себе на колени.

Мы продолжаем целоваться до того момента, пока не понимаем, что либо ей нужно забраться ко мне в машину, либо нам пора расходиться. Одновременно мы замедляем темп и в какой-то момент останавливаемся, но расстаться никак не можем.

– Черт побери, – шепчу я, не отрываясь от ее губ, – с каждым разом все лучше и лучше!

Она согласно кивает и улыбается:

– Увидимся через три дня. Смотри осторожно до дома добирайся.

Она подмигивает мне, еще раз целует в губы и делает шаг назад.

С бесконечным сожалением я выезжаю на дорогу, готовый отдать все, что угодно, лишь бы не расставаться с ней на целых три дня. Выйдя из машины возле своего дома, наблюдаю, как уже у самой двери она убирает волосы в пучок и стягивает их резинкой. Ей идет такая прическа. Хотя и с распущенными тоже здорово. Замерев в восхищении, я вдруг вспоминаю, что за весь вечер так и не сказал, как классно она выглядит!

– Лейк! – кричу я.

Она оборачивается, и я перебегаю на другую сторону улицы.

– Забыл сказать тебе кое-что важное, – шепчу я, заключая ее в объятия и уткнувшись лицом в волосы. – Ты сегодня прекрасно выглядишь!

Потом я целую ее в макушку, отпускаю и возвращаюсь к себе. Лейк стоит на том же месте и смотрит мне вслед. Я улыбаюсь, захожу в дом и тут же бросаюсь к окну. Выглянув из-за занавески, вижу, как она снова поворачивается к двери и исчезает за ней.

– Ты что там разглядываешь? – спрашивает Майя.

– Да так, ничего, – вздрогнув от неожиданности, отвечаю я и быстро задергиваю занавеску. – Спасибо, Майя! – благодарю я няню, снимая куртку и ботинки. – Присмотришь за ним снова в следующий четверг?

– Ну да, как всегда, – отвечает она, направляясь к выходу. – Только вот за тем странным парнишкой я смотреть не буду!

Дверь за ней закрывается, я падаю на диван и вздыхаю. Это было лучшее свидание за всю мою жизнь! Готов поспорить, дальше будет еще лучше!

Глава 6

Медовый месяц

Лейк улыбается, вспоминая, какое неземное блаженство мы испытывали после того свидания.

– Это был лучший вечер в моей жизни, – вздыхает она. – Все было просто идеально – от начала до конца! Даже горячие бутерброды с сыром…

– Все, кроме того, что я забыл сказать, кем работаю…

– Ну да, – хмурится она, – вот это было напрасно…

– Напрасно? – смеюсь я. – Слишком мягко сказано. Ты не представляешь, что я испытал, увидев тебя в коридоре. Но у нас все получилось. Пришлось, конечно, нелегко, но теперь-то все отлично!

– Не спеши. – Она прижимает палец к моим губам. – Не забегай вперед! Начни с того места, где закончил. Я хочу знать, о чем ты думал, встретив меня в коридоре в тот день. Господи, ты так на меня разозлился!..

– Разозлился?! На тебя?! Лейк, ты что, правда так подумала? – пораженно спрашиваю я, но она только пожимает плечами. – Да нет же, малыш! Не разозлился, а совсем наоборот!

О черт!

Мой трехдневный отпуск… Что о нем сказать? Это были три самых долгих, самых мучительных дня в моей жизни. Все это время я думал только о ней. Готов был биться об стену из-за того, что до отъезда не спросил номер ее телефона, – могли бы хоть переписываться. Дедушка, видимо, обратил внимание на мою рассеянность и уже перед отъездом отвел меня в сторону.

– Ну? И как ее зовут? – спросил он.

Я, конечно, сделал вид, что не понимаю, о чем речь, и не хотел признаваться, что встретил кого-то. Что он обо мне подумает, если я скажу, что после всего лишь одного свидания влюбился по уши? Дедушка только посмеялся и похлопал меня по плечу:

– Буду с нетерпением ждать, когда ты нас познакомишь.

Обычно я ненавижу утро понедельника, но сегодня все иначе. Наверное, потому, что я знаю – сегодня после работы мы увидимся! Я подсовываю записку под дворник ее джипа и сажусь в свою машину. Как только я берусь за ручку двери, меня начинают мучить сомнения: кажется, я перестарался. Ну кто пишет девушке: «Жду не дождусь встречи с тобой» – после всего одного свидания? Мне совершенно не хочется ее отпугнуть, поэтому я возвращаюсь к ее джипу, приподнимаю дворник и убираю с лобового стекла записку.

– Оставь! – раздается за спиной чей-то голос.

Я резко оборачиваюсь и вижу, что в дверях стоит Джулия с чашкой кофе в руках. Я растерянно перевожу взгляд с записки на джип, потом опять на Джулию и не знаю, что сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.